

Чудовище Карнохельма

Автор:

Марина Суржевская

Чудовище Карнохельма

Марина Суржевская

Тысячелетие назад Великий Туман разделил наш мир на цивилизованную Конфедерацию и дикие фьорды. В загадочные земли теперь можно попасть лишь одним способом – стать невестой для ильха-варвара. И я, Энни Вилсон, с удовольствием воспользовалась этой возможностью! Ведь все, чего я хотела – это обрести счастье с добрым и сильным мужем, пекарем из далекого Варисфольда. Вот только мечтам не суждено сбыться, ведь меня украли с собственного обручения! Так я узнала страшную тайну фьордов и оказалась в пугающем Карнохельме, где обитает чудовище...Книга третья из цикла "Мир за Великим Туманом"

От автора: это третья история по циклу «Мир за Великим Туманом». Книга с самостоятельным сюжетом, но общими второстепенными героями. Поэтому я советую читать истории фьордов по порядку:

«Проникновение»

«Драконье серебро»

«Чудовище Карнохельма»

Пролог

– Хёггкар пришел! С невестой! – звонко выкрикнул мальчишка-разносчик и, заткнув за пояс тряпку, высунулся из окна, рассматривая плывущую по водной глади ладью.

Гавань была совсем рядом, и гигантская статуя Хароса Первого заслоняла тающее на воде солнце. Шумная набережная бурлила, бежали навстречу хёггкару ильхи. Зима хоть и была на исходе, а все же напоминала о себе холодным ветром, задувающим в щели меж бревен таверны.

– Невеста? – бородатый ильх сделал глоток перебродившего ягодного настоя, изрядно сдобренного медом, и удивленно глянул единственным глазом. Второй закрывала черная повязка. В широком вороте льняной рубахи матово блеснул на шее черный обруч.

– Переселенка, – ильх, сидящий напротив, ухмыльнулся, а потом выразительно скривился. – И все-таки я не одобряю, Бенгт! Не нужны нам затуманные девы, своих, что ли, мало? Но раз совет хёггов решил, да сами женихи одобрили... эту для Ингвара привезли, что живет за скалой. И ведь хороший ильх, правильный! Крепкий воин, пусть и не хёгг. А тут – виданное ли дело! Говорил я ему – Ингвар, посмотри на дев Варисфольда, чем они тебе не милы? Хочешь – черноволосую красавицу, хочешь – белоснежную деву выбери. А хочешь – глянь на красавиц Нероальдафе или Аурольхолла! Так нет же! Сказал – жду деву из-за Тумана, и хоть убей. Это все наша Оливия-хёгг, это она всем ильхам пример, каждый желает и себе такую деву!

– Неужто так хороша невеста, а, Лейв? – одноглазый Бенгт добродушно усмехнулся и снова припал к исходящей паром кружке. В Варисфольд он прибыл лишь утром, а уже устал от шума и толкотни большого города, от криков зазывал да каменных стен. Он уже тосковал по тишине, по ветру, по ощущению свободы. Нет, не для него Варисфольд. Хоть и пленяет тремя десятками башен, хоть и нет его краше во всех фьордах.

Не для него. И сорваться бы с уступа, рухнуть вниз камнем уже сейчас, да прежде надо найти то, зачем он проделал столь дальний путь. Правда, все поиски пока бесполезны...

– Да кто ее знает, – хмыкнул Лейв, когда Бенгт уже и забыл вопрос, погрузившись в свои невеселые думы. – Ингвар сказал – ученая больно. Врачевательница! Да не какая-нибудь, я самая-самая премудрая. С грамотами разными! Видать, на ученость Ингвар и клюнул, вечно он в женщинах не то место рассматривает! Я ему говорил: Ингвар, смотреть надо сюда и сюда, вот что в девах нужное, – ильх обрисовал в воздухе женские округлости. – Да все не

впрок! Уперся, хочу деву из-за Тумана, хоть ты режь!

Лейв сокрушенно допил свой настой и махнул хозяину питейной, чтобы добавил. Потому, может, и не заметил, как напрягся рядом одноглазый ильх. Пальцы Бенгта сжали глиняную кружку так, что та того и гляди треснет.

– Врачевательница, говоришь, – задумчиво протянул Бенгт. И стукнул ладонью по столу, отчего вновь наполненная кружка Лейва подпрыгнула, выплескивая содержимое.

– Эй, ты куда? – удивился уже хмельной Лейв, глядя на мощную фигуру поднявшегося приятеля.

– Хочу взглянуть на затуманную невесту, – уронил Бенгт и, не обращая внимания на друга, пошел к двери. Лейв махнул вслед ильху рукой, зная, что раз тому что-то приспичило – уже и тесаком из башки не выбить. Бенгт всегда был упертым, с самого детства. Залпом допив хмель, Лейв поднялся, распрямил затекшую спину, повел плечами. Столы и лавки слегка качнулись, верно, выпил он сегодня немало. Ну так и повод есть – приезд давнего друга. Нечасто Бенгт посещает Варисфольд, а сам Лейв и вовсе не стремится в его края. О Карнохельме – как говорили сами жители Города-над-Бездной, на фьордах знали мало. Лишь то, что дикие это места. Карнохельм был под стать своему риару – Одноглазому Бенгту.

Диво, что давний друг вообще решил вылезти из своей норы на скалах да прибыть в Варисфольд.

Так что когда еще доведется распить десяток кувшинов хорошего хмеля – один Хелехёгг ведает!

И что приятелю не сидится в тепле, нет же, на берег потянуло! Впрочем, и самому Лейву было любопытно взглянуть на переселенку.

Так что он кинул на стол монеты и, шатаясь, пошел следом за другом.

Догнать широко шагающего Бенгта удалось уже на пристани. Хёггкар покачивался на волнах, деревянное чудовище на его носу скалило зубы. Лейв

одобрительно щелкнул языком – хорошая ладья, быстрая. С самым морским хёггом под килем!

Бенгт стоял, широко расставив ноги и внимательно всматриваясь в спускающуюся по сходням женщину. Лейв прищурился. И разочарованно хмыкнул. В переселенке не было ничего от белоснежных дев севера или от красавиц юга. Обычная она была. В сером плаще, скрывающем фигуру, в синем платье, виднеющемся под ним. И масть невзрачная – пегая какая-то. В руках невеста держала холщовый мешок, осматривалась. И никаких чудес Конфедерации, о которых болтали дураки и мальчишки.

Самая обыкновенная дева.

Лишь на лице посверкивали круглые дымчатые стекла, скрывая взгляд.

– Что это на ней? – не отводя единственного глаза от чужеземной невесты, произнес Бенгт.

Лейв лишь пожал плечами.

– Может, украшение какое? – предположил он. – Кто их, этих чужеземок, знает...

Дева наконец спустилась, и к ней шагнул черноволосый ильх. Жених протянул невесте руки, и та, на миг замерев, осторожно подала свои.

– Ну вот и посмотрели на затуманную деву. Говорил ведь – наши лучше, – брякнул Лейв, потирая шею и отгоняя застилающий взор хмельной туман.

Бенгт еще постоял, склонив голову, а потом, резко развернувшись, пошел обратно.

А Лейв, недоумевая, какая блоха укусила приятеля, поплелся следом.

Глава 1

Несколько бесконечных, невероятных, потрясающих минут мы просто молчали. Смотрели. Дышали. Пытались осознать и впитать в себя медленно выплывающий

из морской дымки город. Даже несколько дней на корабле не смогли подготовить меня к этой невероятной картине!

Краем глаза я увидела, как Иветта подняла руку, приподняла очки и украдкой вытерла с лица слезы. Надо же, а я и не подозревала в ней подобной чувствительности. Впрочем, в случае с моей язвительной спутницей, скорее всего, дело не в сантиментах, а в холодном морском ветре, поглаживающем щеки. Вряд ли Иветта настолько прониклась пейзажем, чтобы позволить себе слезы. А вот я... Я не сдержалась.

Все-таки фьорды оказались невероятными!

– А я была уверена, что все эти постеры из рекламы о переселении – вранье, – тихо протянула за спиной Лидия. И, не смущаясь, шумно высморкалась в огромный клетчатый платок.

Сейчас я была благодарна девушке за ее невоспитанность, это позволило скрыть мою собственную растерянность. Порывшись в кармане, тоже выудила платок и вытерла нос, а заодно и протерла очки. Минутная передышка позволила слегка восстановить дыхание и вернуть себе пошатнувшееся самообладание. А как говорит моя бабушка Катарина-Виолетта: «Всегда держи лицо, Эннис! Это главный признак хорошего воспитания!»

Я вернула платок в карман, очки на нос – и снова посмотрела вперед. Наша сбившаяся в кучу троица переселенок стояла на носу корабля, с которого открывалась картина, поражающая воображение. Внизу плескалась холодная вода, заключенная между отвесными скалами, сжатая ими с двух сторон. Вода злилась и билась, вспенивалась на порогах и граните, а порой взбиралась наверх и срывалась вниз водопадами. Выше стелились изумрудные холмы и темные сосновые леса, а впереди... впереди возвышался город. На фоне кобальтового неба взмывали к облакам его башни, пики, шпили, ярусы, колонны и арки! Это был самый невероятный город, который я только могла представить! Заходящее солнце золотило огромные витражные окна белоснежных зданий, каменные статуи строго взирали на гавань с площадей и мостов, а над узким проливом, ведущим к причалу, застыл гигантский воин с поднятым мечом. Я задрала голову и придержала меховую шапку, со смесью ужаса и благоговенья взирая на колосса величиной с небоскреб. Наш корабль как раз проходил между его ног, стоящих на разных берегах. Кончик стального меча, на который мог бы приземлиться самолет, вздумай каменный воин положить его на землю,

оказался над нами.

Мы испуганно сжались, безотчетно опасаясь великанского оружия и грозного, почти живого взгляда гиганта.

– Это страж Варисфольда, девы. Харос Первый, – почтительно произнес ильх, сопровождающий нашу группу. – А город впереди – сердце фьордов. По легенде в эту гавань не может войти хёггкар, везущий людей с дурными намерениями.

Я покосилась на говорившего и в очередной раз смутилась своего интереса. Впрочем, ильх на все наши взгляды и восторженные вздохи лишь улыбался, как и остальные члены группы. Не смотреть на мужчин – высоких, мощных, бородатых, одетых в меховые плащи и кожаные штаны, легко поднимающих тяжелый корабельный инвентарь – было выше наших женских сил. За несколько дней на корабле, который здесь называли хёггкар, мы слегка привыкли к невероятной внешности мужчин фьордов. Себя они называли ильхами, а нас смешно величали девами. Но до сих пор казалось, что на встречу переселенков намеренно отправили вот таких отборных экземпляров, чтобы мы не передумали у границы и не сбежали.

Еще недавно о подобном путешествии жители нашей Конфедерации могли только мечтать. Тысячелетие назад нашу планету разделил Великий Туман – непознанная субстанция, непроницаемой стеной отделившая часть земель, которые мы называем фьорды. Веками эти территории считались потерянными, ведь несмотря на все достижения прогресса, мы так и не сумели пробиться на другую сторону. Ни наши машины, ни зонды, ни иные изобретения не могли преодолеть эту границу. Ученые Конфедерации бились годами, пытаясь найти решение и проникнуть на заповедные территории или хотя бы объяснить свойства Тумана и его странную непроницаемость. Но, увы, безуспешно.

Первое в истории проникновение случилось несколько лет назад и потрясло устоявшийся мир Конфедерации. Наша экспедиция совершила путешествие в эти земли и даже наладила связь с местным населением. Правда, сведения о фьордах так и остались противоречивыми, а порой и пугающими. Заповедные земли оказались обитаемы. Уровень развития ильхов значительно отставал от уровня просвещенной Конфедерации, здесь все еще вручную шили одежду и пекли хлеб, для перевозки грузов использовали телегу и лошадей, а по вечерам читали при свете свечей или масляных ламп. Здесь ничего не знали о научно-техническом прогрессе. Варвары, как говорили у нас. Дикая варвары.

К тому же население фьордов оказалось не слишком гостеприимным, и попасть сюда можно было лишь одним способом – стать невестой для ильха. Потерянные земли приоткрывают дверь лишь для тех женщин Конфедерации, что готовы навсегда отказаться от прошлого и стать частью нового мира. Мира незнакомого, непознанного и дикого, но безумно красивого. Изображения фьордов покорили многих жительниц Конфедерации, но решающим фактором стали портреты женихов-ильхов.

Даже на фотографиях красавцы в шкурах производили сногшибательное впечатление. К тому же за невесту каждый ильх платил золотом и драгоценными камнями, а фонд переселенцев обещал рискнувшим женщинам поддержку и всяческую помощь.

Фьорды рисовались в воображении картинами будущего счастья – простого и понятного, пусть и лишенного многих благ просвещенной цивилизации.

И вот два десятка дев – разных возрастов, масти и комплекции – прошли сквозь Туман, оставляя за плечами прошлое. Воспоминание об этом проходе можно отнести к самым странным и пугающим в моей жизни. Туман казался живым и враждебным, сквозь липкий слой серо-белого марева мы двигались несколько часов практически на ощупь. Люди веками терялись в Тумане – живая и непознанная субстанция способна водить непрошенных гостей кругами, пока те не умрут от истощения или галлюцинаций.

Лишь ильхам под силу провести сквозь границу. Да и то всего в одном месте, который у нас теперь называют «Коридором».

Из Тумана переселенки вышли утомленными и испуганными. И на другой стороне нас уже ждали сюрпризы: два каменных дракона, застывших по бокам Коридора, невероятный пейзаж фьордов и корабль – огромная деревянная ладья с устрашающим монстром на носу. Ну и здесь мы уже подробнее рассмотрели встречающих – двухметровых варваров, при взгляде на которых тряслись поджилки, и непонятно, от каких именно эмоций.

Первое знакомство с фьордами оказалось впечатляющим. Все казалось сном – невероятным и немного пугающим.

После небольшого отдыха ильхи сопроводили нас на корабль, чтобы отвезти к женихам. На хёггкаре мы провели пять дней. Это было мое первое морское путешествие, и, к удивлению, оно оказалось довольно комфортным. Хёггкар – деревянный и парусный, оказался не только невероятно быстроходным, но и удобным. Нас не мучила морская болезнь, а свежий воздух и невероятные пейзажи потерянного мира добавляли очарования и веры в будущее.

Всех переселенок обязали оставить за спиной не только прошлое, но и привычки. На корабле нам выдали новую одежду – нижнее платье из льна и верхнее из шерсти, вязанные колготки, ботинки, плащи, подбитые натуральным мехом, муфты и шапки. Наши удобные джинсы и кроссовки навсегда исчезли. В холщовых сумках каждая из нас везла лишь несколько памятных вещей, фотографию или книгу. Мы направлялись на север, в новое, неизведанное будущее. Кто-то ждал его с испугом, кто-то – с надеждой.

А нас ждали женихи и неизвестность.

Ильхи, приставленные к нам, улыбались, но о фьордах рассказывали мало, объяснив, что это обязанность наших будущих мужей.

Основное время мы проводили в удобной общей «каюте», рассматривали дары от женихов, смешные лавки-кровати, пробовали простые и вкусные блюда, которыми нас угощали, делились планами, мечтами и страхами. Иногда отдыхали на палубе, любуясь заснеженными пиками гор или бесконечными лесами на берегах. Правда, наверх нас выпускали неохотно, пояснив, что это может быть опасно. Почему – мы так и не поняли.

Но ничего пугающего с нами не случилось, хёггкар благополучно доставил девушек в разные города фьордов.

И вот спустя несколько дней три переселенки – я, Иветта и Лидия – прибыли в Варисфольд. Лидия отправится дальше, а вот мы с Иветтой спустимся по сходням уже здесь.

Со спутницами мне повезло. Лидия оказалась из далекого провинциального городка Конфедерации и всю дорогу веселила нас байками и сказаниями своей родины. Добрая и смешливая, она вызывала у всех неизменную улыбку. Иветта, как и я, приехала из столицы, в ярких глазах за стеклами очков блестели живой

ум и любопытство. Если первая покинула дом, соблазнившись обнаженными торсами ильхов с рекламных проспектов, то Иветта желала нести в новый мир свет просвещения и знаний. Моя спутница оказалась врачом, и мир за Туманом манил ее новыми возможностями и перспективами.

– Даже если жених не понравится, то по правилам надо провести с ним месяц, а после можно разорвать помолвку и спокойно жить в полюбившемся месте, – живо объясняла во время путешествия Иветта. – Как бы ни сложилось, я останусь на фьордах, буду жить и работать под защитой фонда переселенцев! Возможно, даже открою собственную лечебницу! В Конфедерации для этого нужны годы, большие деньги и куча бумажной волокиты. А здесь новый мир дает новые возможности! Я смогу изучать местное население, как Оливия Орвей, смогу написать научную работу по антропологии, смогу практиковать и спасать жизни! Просто невероятная возможность!

– Да, но вы никогда не вернетесь в Конфедерацию, – резонно напомнила я. Говорить Иветте «ты» у меня язык не поворачивался, хотя мы уже знали, что фьорды используют лишь одну форму обращения.

– Это неважно! – собеседница махнула рукой, ее глаза за стеклами очков азартно сверкали. – Я узнаю так много нового! Это просто бесценно! Кстати, вы заметили странности, Эннис?

«Ты словно сорняк, Эннис! Полынь, что нагло проросла в нашем ухоженном саду...»

– Странностей за Туманом хоть отбавляй, – улыбнулась я, стряхивая назойливый голос в голове.

– Вот, например, наш... м-м-м... хёггкар, – Иветта погладила деревянную обшивку. – Такое примитивное парусное судно должно развивать скорость не более десяти узлов. В лучшем случае! Но мы идем со скоростью хорошего крейсера, дорогая Эннис! И я не могу найти этому разумного объяснения!

– Может, на корабле стоит двигатель? – осторожно предположила я. Разговаривать с Иветтой было невероятно увлекательно, хотя я и смущалась ее авторитета и властных замашек. Чем-то госпожа врач напоминала мою бабушку...

Иветта поморщилась и отмахнулась.

– Какой двигатель в этих диких землях, да здесь нет даже антибиотиков! Не представляю, как они тут выживают. Или, например, очки!

Я машинально поправила свои круглые стеклышки.

– Нам разрешили взять на фьорды лишь самое необходимое, и к своему списку лекарств я добавила десять пар замечательных очков! Ведь это мои глаза! Да и твои, к слову! Если стекла разобьются, я останусь слепой и не смогу работать! Но запасные окуляры вычеркнули, сказав, что они не понадобятся! И лекарства взять не позволили! А ведь это жизненно необходимо! Здесь наверняка жуткая антисанитария, жуткая! Варварство, Энни, варварство!

Я улыбнулась и кивнула. Слово «варварство» Иветта произносила с растяжкой и таким наслаждением, что было видно – загадки и запреты фьордов лишь подогревают интерес этой энергичной женщины.

– Не представляю, чем тут вообще можно лечить! Похоже, мне придется обновить свои знания по лечебным растениям!

Я улыбнулась собеседнице. Решительность ее характера обозначилась резкими морщинками у рта и стальным блеском глаз. Да, госпожа Иветта точно найдет свое место на фьордах!

– А что собираешься делать ты?

– Выйду замуж, – честно сказала я, разведя руками.

Иветта пренебрежительно фыркнула, а Лидия мне подмигнула. Тайком от нашей спутницы.

– Вы обе безнадежны, – огорченно махнула рукой Иветта, но уже через мгновение тоже улыбнулась. – Впрочем, я вас почти понимаю. Стоит посмотреть на нашего капитана и его помощников...

Мы весело и слегка смущенно рассмеялись. Да, красота и мужественность местных мужчин впечатляла. Я вытащила из кармана небольшой портрет своего жениха. Еще дома меня поразили его добрые глаза и широкая улыбка – кажется, я влюбилась в них с первого взгляда. Мой будущий муж ждал меня в таинственном Варисфольде, он был пекарем и держал небольшую лавочку в этом городе. Мне в подарок он передал ожерелье из желтых камушков и трогательное письмо, которое я зачитала до дыр.

Ничего в жизни я не ждала так, как нашей встречи. Мое воображение уже рисовало наш тихий дом возле моря, в котором всегда будет пахнуть свежей выпечкой, красавца-мужа, обожающего меня, и двух, а лучше трех ребятишек.

Да, мои мечты были совершенно обыкновенными. В отличие от решительной Иветты, я не собиралась менять этот мир, а лишь хотела встретить своего мужчину, стать честной женой и счастливой матерью. В конце концов, разве не это основное предназначение женщины? А мужчина, способный с утра испечь своей половинке сладких булочек, разве не идеал?

В общем, приближение к Варисфольду я ощутила оглушающим стуком сердца, повлажневшими от переживаний ладонями и, как всегда в минуты волнения, желанием что-нибудь пожевать. За эту привычку меня всегда ругала бабушка, может, оттого я ела все больше... Впрочем, думать о тех, кто остался за спиной, совсем не хотелось.

Ведь вот он – Варисфольд.

Дар речи покинул нас, как только шпили города засияли на горизонте.

Единый, разве мы не в диких землях? Разве варвары могли построить ЭТО?

Да Варисфольд легко посрамит даже столицу Конфедерации с ее небоскребами!

Изумление смешалось со страхом и радостью.

... Железный меч Хароса Первого медленно проплыл над кормой хёггкара и остался позади. Корабль вошел в гавань, и уже скоро ильхи скидывали канаты на причал.

Губы Лидии, осознавшей, что дальше она поплывет одна, дрогнули. Иветта лишь фыркнула и, гордо распрямив спину, ушла, а я задержалась. Обняла дрожащую девушку, дружески улыбнулась.

– Не переживай, капитан сказал, что до твоего жениха всего день пути. Он наверняка места себе не находит, ожидая тебя! А после свадьбы ты сможешь навестить Варисфольд и нас с Иветтой. Надеюсь, к тому времени моя упавшая челюсть вернется на место! Пока я даже мыслить не могу связно!

Лидия рассмеялась и, кажется, слегка успокоилась.

Мы тепло распрощались, обещав в скором времени увидеться.

Дрожа от предвкушения и страха, я ступила на деревянные мостки, спускаясь. Солнечный луч отразился от окон величественного здания и на миг ослепил. Я стянула очки, протерла, а когда вернула окуляры на место... рядом со мной возвышалась высокая упитанная мужская фигура, а лицо под копной темных волос казалось знакомо до малейших черточки.

– Энни! – мой жених протянул мне обе руки.

Его звали Гудрет, и это означало «добрая весть». Моя добрая весть! Его румяное и красивое лицо лучилось таким счастьем, словно он увидел самую прекрасную девушку на свете. Я окинула быстрым взглядом того, кого столько времени представляла в своем воображении, и ахнула – оригинал оказался куда лучше! Высокий, улыбчивый, с веселыми темными глазами и белозубой улыбкой! На Гудрете красовались полотняные штаны, подпоясанная широким ремнем рубаха, коричневые сапоги и тяжелый шерстяной плащ, на котором я заметила следы муки. И, несмотря на широкие плечи, мужчина казался уютным и каким-то домашним.

– Наконец-то ты приехала! Я так долго тебя ждал!

От него пахло сдобой. И я от души улыбнулась в ответ. Кажется, я действительно дома!

Первый день в Варисфольде остался в памяти мешаниной картинок и образов. Вот мы стоим на причале, рядом с покачивающимся хёггкарром, вот мои руки трогает Гудрет и тут же отстраняется с извиняющейся улыбкой – до свадьбы прикоснуться к невесте запрещено, вот Иветта мнетя и на удивление молчит рядом с высоким синеглазым ильхом, своим женихом.

Дальше нас усадили на повозку, запряженную лошадьми, и отправили в дом, где нам с Иветтой надлежало провести первую ночь в городе. Хозяйка – миловидная яркоглазая Дэгни – живо провела нас по дому и объявила:

– Варисфольд вам покажут женихи, совсем скоро. Пока отдохните, ваш путь был долгим! Но вам невероятно повезло, девы! Свою новую жизнь вы проживете в самом Варисфольде! А это лучшее место на всей земле, так и знайте! Нет башен чудеснее, чем три десятка Великих Башен, нет воздуха слаще, чем воздух нашего берега, нет города прекраснее!

Мы с Иветтой хмыкнули на эту торжественную речь, но вынуждены были признать правоту Дэгни. Я действительно не видела города красивее.

Жаль, что прогулку по этому месту придется отложить, Дэгни сказала, что нам не стоит гулять в одиночестве, пока не узнаем традиции и порядки фьордов. Впрочем, куда торопиться? Впереди целая жизнь в Варисфольде! Так что еще успеем налюбоваться и на сияющие башни, и на изумительные ярусные постройки, и на водопады, срывающиеся со скал.

Дом, в котором нас поселили, стоял на пологом склоне, за высокими елями. Внутри было три жилые комнаты и общая кухня. Здесь располагался очаг, на котором споро готовила Дэгни. А мы с Иветтой пока лишь охали и наблюдали, плохо понимая, как управляться со всеми этими ухватами и чугунками. Сама Дэгни оказалась веселой и смешливой, к тому же чем-то неуловимо напоминала Лидию. Со мной девушка смеялась, а Иветту опасалась. Впрочем, такова была реакция всех местных на эту строгую и язвительную женщину!

Пока я несколько растерянно осматривала дом, Иветта успела найти помещение для мытья.

– Эннис, идите сюда! – окликнула она.

Я пошла на голос и оказалась в небольшой комнате с каменным углублением в центре и блестящим краном.

– Поверить не могу! Неужели у варваров есть водопровод? – воскликнула Иветта, а я покраснела. Не хотелось, чтобы милая Дэгни услышала эти слова.

– Кажется, они не такие уж варвары, – тихо произнесла я, поворачивая ручку. В каменную чашу потекла вода. – Единый, теплая! Иветта, теплая вода! Как же прекрасно! Признаться, мысль, что придется всю оставшуюся жизнь мыться в лохани или бочке, меня сильно пугала!

Мы понимающе переглянулись и рассмеялись. Вода текла в чашу. Голова кружилась. Она кружилась от всего. От этого дома, с добротной тяжелой мебелью, резными столбиками кроватей, балдахином, меховыми покрывалами и сундуками с коваными крышками, где хранились ткани и запасы. От древнего очага с живым пламенем. От непривычных шерстяных платьев с разрезами по бокам. От запахов – моря, сосен, нагретого камня, снега и еще чего-то совершенно нового и непонятно. Чужого. Да, этот мир был чужим, пока непознанным, но мне он уже нравился! Все оказалось гораздо лучше, чем я думала. Город фьордов поражал великолепием. И здесь был водопровод! Ну разве не чудо?

Дэгни всунула в дверь румяное лицо.

– Я принесла холстины, девы! Чтобы обтереться! На полке кувшин с мыльным взваром, пахнет цветами и ягодами! Подарок ильха Ингвара!

Я улыбнулась и деликатно опустила взгляд. Потому что строгая Иветта хоть и фыркнула пренебрежительно, но слегка покраснела. Ее жениха я видела мельком, на пристани. На вид старше Иветты, но статен и красив. И, похоже, моей знакомой он понравился, хотя госпожа врач и пыталась это скрыть.

– Холстины, надо же, – пробормотала Иветта, пряча лицо в ткани. – Ну что же, думаю, пора опробовать местную ванну! Но скажи, Дэгни, как нагревается эта вода?

Простодушное лицо девушки на миг застыло, а потом дева развела руками.

– Я не знаю. Я умею печь хлеб, убирать и стирать, вот и все!

Иветта нахмурилась, а когда наша гостеприимная хозяйка вышла, шепнула:

– Мне кажется, от нас что-то скрывают, Энни. И почему-то мне это не нравится.

– Бросьте, Иветта! – искренне удивилась я. – Вы сами называли ильхов варварами, так откуда простой девушке знать о водоснабжении города. Даже я плохо представляю, как работает водопровод!

– Похоже, ты очарована и не хочешь обращать внимание на очевидные странности. А их становится все больше! – проворчала Иветта.

Я смутилась, а женщина махнула рукой, показывая, что я безнадежна. К слову, мой Гудрет врачевательнице тоже почему-то не понравился.

– Слишком он прост, Эннис. Милый мальчик, но и только. Ни глубины, ни порывов, одни булки на уме, – недовольно пояснила она.

– Так это как раз то, что мне нужно, – смутилась я. – Простой и добрый парень, пекарня, детишки...

– Боюсь, плохо вы себя знаете, дорогая... А его не знаете вовсе. Вы очарованы красотой фьордов и влюблены лишь в мысль о любви, но не в человека. Этот пекарь не тот, кто вам нужен.

– Я уверена, что буду счастлива с Гудретом.

Иветта покачала головой с явным несогласием, но спорить не стала. И я была ей за это благодарна, потому что от слов единственной женщины, связывающей меня теперь с прошлым, стало не по себе.

Впрочем, я быстро выкинула сомнения из головы и отправилась обживать.

После горячего купания нас ждала вкусная, хоть и простая еда. Я облизывала пальцы, не в силах удержаться, смакуя ароматный густой суп, жаркое и варенье из кисловатых ягод!

Наша то ли хозяйка, то ли прислужница потихоньку объясняла нам местные нравы. Молились ильхи перворожденным, правда, кто они такие, я так и не поняла. Вероятно, первые люди, заселившие эти земли.

– Чтобы вы могли войти в дома женихов, надо пройти обряд, – пояснила Дэгни. Иветта закатила глаза, но слушала внимательно. – Ваши будущие мужья при воинах и главах рода назовут вас своими нареченными, возьмут под свою руку и пообещают защиту и покровительство. А вы дадите свое согласие во всем слушаться и почитать новый дом и семью.

Тут Иветта слегка поперхнулась травяным чаем, и я заботливо постучала ее по спине. И спрятала улыбку. Да уж, почитать кого-то моя своенравная приятельница точно не привыкла!

– После обряда вы войдете в дом жениха нареченной и станете жить там до свадьбы. Прикасаться к невесте ильх не смеет, а если такое вдруг случится... – Дэгни озорно подмигнула. – Должен подарить подарок! Новое платье или украшение. Иные девы до свадьбы сундуками даров разживаются!

– Изумительное варварство, – пробормотала Иветта, пряча лицо за чашкой. Только дымчатые стекла ее очков блеснули в свете лампы.

– Обряд наречения состоится уже завтра, на скале хёггов. Сначала для Эннис, потом для Иветты, – огорошила нас местная жительница. – Женихи пришлют наряды и родственниц, чтобы помочь одеться и подготовиться. Так что сейчас самое время отправится спать, и пусть хранят ваш сон перворожденные хёгги!

– Хёгги, хёггкар... – удивилась я. – Что означает это слово?

Но тут Дэгни вспомнила о каше в очаге и, сорвавшись с места, унеслась. Мы лишь переглянулись. Впрочем, что-то выяснять уже не было сил. Удивительный день оставил внутри ощущение удивления и радости, но и усталости тоже. Поэтому, со смехом пожелав друг другу милости неизвестных нам хёггов, мы разбрелись по комнатам. В углу моей тлела лампа, освещая уютное маленькое помещение. Было тепло, хотя в Варисфольде еще дули холодные зимние ветра. Путаясь в непривычных завязках, я сняла верхнее платье и обувь, пригладила нижнюю сорочку и залезла под меховое покрывало. У изножья лежало несколько

горячих камней, согревая постель, от льняных простыней пахло травами и свежестью.

И засыпая, я была уверена, что сделала верный выбор. Здесь теперь мой дом, здесь. За Туманом. На фьордах. Рядом с простым парнем Гудретом!

Глава 3

Утро началось с ругательств Иветты. Госпожа врачевательница обнаружила, что фьорды понятия не имеют о том, что такое кофе. Ругалась Иветта со вкусом и выдумкой, я даже заслушалась.

– Почему меня не предупредили? – возмущалась она. – Нельзя утаивать от бедных переселенков столь весомое обстоятельство! Может, оно повлияло бы на мое решение! Неслыханно! Нет кофе!

– А еще автомобилей, смога, телевизоров, глобальной сети и прочих достижений прогресса, – я шагнула в кухоньку, на ходу поправляя платье. Чтобы его надеть, пришлось с непривычки потрудиться. – Бросьте, Иветта, здесь очень вкусный травяной чай.

– Могу налить вам настой бодрянки из Дьярвеншила, – предложила взволнованная Дэгни. Похоже, возмущение чужачки ее изрядно напугало. – Она ужасна, но я слышала, что сама Оливия-хёгг любит этот напиток!

– Оливия? – встрепелась Иветта. – Оливия Орвей? Мечтаю познакомиться с этой женщиной! Я читала ее работы по антропологии! Она тоже проживает в Варисфольде? Неси скорее эту бодрянку!

– Оливия-хегг живет со Сверр-хёггом в Нероальдафе. Он – риар, – совершенно непонятно пояснила Дэгни.

– Ильхи, риары, хёгги, у меня скоро голова взорвется, – пожаловалась Иветта, хотя я могла бы поклясться, что ее причитания безосновательны. Комиссия по переселению предупреждала, что наши с фьордами языки совпадают на семьдесят процентов. Оставшиеся тридцать придется освоить на месте. К тому же, даже понятные слова здесь порой произносили неясно, растягивая или,

напротив, сокращая звуки.

Что ж, к этому нам тоже предстоит привыкнуть.

Дэгни поставила на стол кружку черного, как деготь, напитка, глянула с испугом. И выпучила глаза, когда Иветта сделала глоток, а потом блаженно улыбнулась.

– Прекрасно! Просто прекрасно! Не кофе, но весьма, весьма недурно! Попробуйте, Энни?

– Чай гораздо полезнее, – покачала я головой. И не стала добавлять, что бабушка всячески не одобряла употребление кофе и меня вырастила с осознанием, что он вреден.

– Да, вы совершенно себя не знаете, милая девочка, – пробормотала Иветта.

Не успели мы насладиться вкуснейшими пирогами с мясом или ягодами, как пожаловали гости – родственницы моего жениха. Две сестры – юные девы, похожие как близнецы, а с ними седовласая, прямая как палка, старуха. На каждой красовалось платье ниже колен и тяжелый меховой плащ. Волосы девы фьордов заплетали в несколько кос и связывали за спиной либо укладывали на голове. Признаться, это выглядело красиво. Я понадеялась, что вскоре тоже освою такую прическу взамен своего привычного кудрявого хвоста.

Следом за девами внесли сундуки. Наряды – пояснили нам прибывшие.

Имен я не запомнила, потому что старшая гостья при виде нас всплеснула руками и возмутилась:

– Поглоти меня Хеллехёгг! Живо одеваться! Скоро ведь обряд!

Я благоразумно сбежала в купальню, а когда вернулась в комнаты, застала там изумленную Иветту. Та рассматривала наряд с таким непередаваемым выражением на лице, что я чуть не рассмеялась.

– Варварство, ну какое же варварство, – бормотала пораженная врачевательница.

Я согласно кивнула, не в силах оторвать взгляда от расшитого платья, которое держали гости. Совершенное, невероятное, сногшибательное варварство! И такое красивое, что дрогнула даже деревяшка, что служит Иветте сердцем. Ну а мое и вовсе – стучало и колотилось, норовя выскочить из грудной клетки.

Наряды были из белого шелка, значит, и здесь, на фьордах, этот цвет считался символом невинности и чистоты. По скользкой ткани плелись узоры – вышивка, камни, золотые и красные нити, и все это складывалось в дивные картины. Вот на многослойном подоле видны вершины заснеженных гор, вот непроходимые леса, а вот скользят в вышине странные и пугающие силуэты, то ли гигантских птиц, то ли... драконов? Я присмотрелась. И точно! На наряде нареченной образ чудовища был вышит многократно. Да и при выходе из Тумана нас встречали статуи с этим изображением. А с пристани я видела распахнутые каменные крылья других изваяний. Похоже, фьорды чтят этих древних монстров? Или считают, что изображение такого чудовища отпугнет реальных врагов? Диких зверей или захватчиков?

Вероятно, так.

– Обрядное платье по нашим обычаям каждая невеста расшивает сама, – проскрежетала старуха. – Но чужачке мы решили помочь. Вряд ли твоя затуманная Конфедерация научила столь тонкому искусству!

В выцветших голубых глазах мелькнуло недовольство, и я тайком вздохнула. Старуха оказалась моей будущей свекровью. И, похоже, она совсем не рада гостю из-за Тумана.

Мечта о тихом домике с мужем и ребятишками подернулась легкой ряской тревоги. Но тут девы ожили, затеребили меня, требуя скорее одеваться. Я выбралась из своего шерстяного платья, слегка смущаясь. Оголяться при посторонних я не люблю – стесняюсь своих пышных форм. Бабушка утверждала, что девушка должна быть хрупкой, как тростинка, отличаться равнодушием к еде, прямыми светлыми волосами, тонкими чертами лица, грацией, вежливой улыбкой в любой ситуации, изяществом манер и мыслей. Именно такой она и была. И дочь ее, моя покойная матушка, была такой, и кузина Розалинда, и все

остальные женщины нашей семьи. Легкие, изящные, отмеченные чудесной русалочьей бледностью, томностью взгляда и плавностью движений. Все, кроме меня. Бабушка говорила, что я пошла в отца. В непутевого и случайного мужчину, непонятно как случившегося в правильной жизни матушки. Мужчина исчез так же, как и появился – внезапно. А я вот осталась. И выросла катастрофически непохожей на девушку из семейства Вилсон. На моей голове всегда был беспорядок буйных, каштановых с рыжинкой кудрей, изящество и грация сдались под натиском неуклюжести, на носу рассыпались совершенно простецкие веснушки, а пальцы оказались лишены музыкальной тонкости. У меня не было великолепного слуха и голоса бабушки – знаменитой оперной певицы, мне не передался мамин талант пианистки, не досталось вкуса и стиля тетюшек-художниц. А еще у меня был возмутительно хороший аппетит и... очки. И, к сожалению, они не делали мой образ более одухотворенным, напротив – беспощадно упрощали.

Я была обыкновенной. И совершенно неподходящей династии известной фамилии, что так гордилась талантами своих женщин. Ведь Вилсоны были известны на весь мир. С самого детства меня таскали по всевозможным урокам и учителям, надеясь отыскать в золе по имени «Эннис Вилсон» хоть крупицу одаренности. Но, увы. Мне просто не досталось ни одного таланта. На уроках музыки я зевала, от моего пения учителя бледнели и хватались за сердце, мольберт действовал на меня усыпляюще, а танцы не стоило и начинать – не с моей неуклюжестью. И это свое несоответствие одаренной и одухотворенной семье я ощущала так остро, что как только достигла двадцати лет – возраста, разрешенного для переселения, – подала заявку. Свое решение я скрывала до последнего, справедливо полагая, что бабушка запрет меня в родовом доме и не позволит сбежать за Туман. Ну, или у нее просто случится сердечный приступ.

Возможно, именно так и произошло.

Мысль о бабушке и родственниках снова кольнула сердце иголкой. Во рту стало горько. Но я сжала зубы, заставляя себя не думать о прошлом. Назад пути нет, выбор сделан.

Вот только взамен моих родственников я, кажется, рискую обрести чужих. А ведь об этом я даже не подумала. Мир за Туманом виделся мне лишь в радужных красках!

– Долго ты глазеть будешь, чужанская дева? – окликнула старуха. – Надевай скорее! Не будет Гудрет ждать до весны, замешкаешься – другую невесту найдет! Он ильх видный!

Девы-сестры засмеялись, Иветта нахмурилась. А я лишь молча сняла сорочку и скользнула в шелк. Вокруг меня закружил вихрь чужих рук и лиц, девы поправляли складки, оглаживали подол, завязывали широкий красный пояс и накрывали плечи тончайшим золотым кружевом. Поверх алого пояса лег еще один – из золотых колец, и я ахнула, увидев эту драгоценность. Мои волосы смазали чем-то остро пахнувшим и споро заплели, глаза подвели темной краской, а губы – красной. А голову накрыли расшитым покровом.

Когда девы отступили, я осторожно повернулась к зеркалу. Стекло, кстати, тоже было изумительным – словно и не стекло вовсе, а кусок льда, почему-то не тающего в теплом доме. И отражение в его глубине казалось немного волшебным, словно зазеркалье показывало иную реальность.

И точно не меня. Вот эта дева в шелках и кружевах, с драгоценным поясом на талии, разве она может быть мною – неуклюжей Эннис?

И лишь увидев знакомые круглые очки, я слегка улыбнулась. Я. Все-таки я.

– Это надо снять! – старуха, имени которой я не запомнила, а переспросить постеснялась, ткнула пальцем в мои стеклышки.

– Простите, это невозможно, – смутилась я. – Без них я плохо вижу.

– Плохо видишь? – сестры изумленно переглянулись. – Разве ты воин, что потерял глаза в бою? Да и глаза твои на месте, почему же они незрячи?

Я ошарашено моргнула, не зная, что на это ответить. Почему мои глаза утратили остроту зрения? Станный вопрос. Может, на фьордах люди отличаются отменным здоровьем? Хотя экология, отсутствие телевидения и машин вполне могут этому поспособствовать. И все же – непонятно.

– Хватать болтать! – гаркнула старуха, и я подпрыгнула. – Негоже заставлять ждать жениха! Стоит на ветру, мерзнет, ждет чужанскую нареченную, а она

болтает тут почем зря!

Я хотела возразить, что вообще молчу, как рыба, но не стала. К тому же голову мне покрыли еще одним слоем ткани, закрепили заколками, и теперь я боялась пошевелиться, так и казалось, что скользкий шелк свалится! На ноги мне надели мягкие туфли и замерли напротив, оценивая.

– Ты очень красивая, Эннис. Надеюсь, твой жених полюбит тебя всей душой, – как-то непривычно мягко произнесла Иветта. Глаза ее за стеклами очков подозрительно блеснули. Я нервно сжала похолодевшие ладони и кивнула. Во рту пересохло, но я постеснялась попросить воды.

– На обряде наречения присутствуют только ильхи, жаль, что мне нельзя поехать с тобой, – произнесла врачевательница. – Но уверена, мы скоро увидимся, дорогая.

– Конечно, – я осторожно обняла Иветту.

За дверью уже ждала повозка, на этот раз с бархатными подушками и меховым покрывалом. Сквозь кружево покрывала я смотрела на величественные дома Варисфольда, на широкие улицы, ярусы с водопадами и бесчисленные статуи чудовищ, что скалились и на моем наряде. А еще – на суровых бородатых ильхов, одетых в меха и кожу, с самым настоящим оружием – топорами, секирами, мечами в ножнах. На нежных дев в длинных платьях и накидках, на статных старух и детей, провожающих украшенную алыми тканями повозку радостными криками.

«Невесту везут, невесту везут!»

Невесту. Меня. Я – нареченная ильха, варвара из-за Тумана! Сколько разговоров в Конфедерации об этих ильхах, то твердят, что они рогаты, то – что косматы, а то и вовсе – что чудовища! Бабушка всерьез верит, что за Туманом живут и не люди вовсе – звери.

А на деле, все, как обычно, вранье.

Я погладила свою расшитую юбку. Не верится, что сегодня я стану нареченной. Еще не женой, но уже названной невестой. И Гудрет введет меня в свой дом. Я увижу, как живет мой жених, познакомлюсь со всеми родственниками, навещу его пекарню и любимые в городе места... Мы будем много-много говорить, а через положенное время я скажу свое «да» и стану супругой.

Удивительно.

Неужели, правда?

«Невесту везут! Нареченную везут!»

Повозка поползла вверх, на скалы. Въехала на широкую площадку и остановилась.

Я повертела головой. С одной стороны высилась скала, увитая вечнозеленым растением – то ли вьюнок, то ли плющ. Там чинно ожидали суровые молчаливые ильхи – главы родов. В центре площадки находился стол, на котором я заметила железный кубок. А возле стола – Гудрет. Плечи жениха укрывала роскошная белая шкура, закрывая расшитую полотняную рубашку. Ниже виднелись простые штаны и высокие сапоги. Я суетливо поднялась, ступила на деревянную подножку, которую поставил возница. Замешкалась. Длинные юбки трепал ветер – здесь, на площадке в скалах, он был особенно рьяным. Остро пахло морем.

При виде повозки ильхи подобрались, и все головы повернулись в мою сторону. Я занервничала сильнее, да еще и юбка зацепилась за край лавки и никак не желала освободиться. Я похолодела, ощущая на себе десятки взглядов и безуспешно сражаясь со скользкой тканью. Да что же это такое! Ладони взмокли. Кружево сползло с макушки, и я услышала недовольный ропот.

Взмолившись про себя всем богам и даже неизвестным хёггам, я дернула юбку, и в наступившей оглушающей тишине раздался ужасающий треск.

Я порвала свой наряд. Прекрасный наряд, сшитый не мною!

О боги!

Румяный Гудрет покраснел еще сильнее и качнулся в мою сторону, но был остановлен мрачным взглядом старейшего ильха. Верно, невеста должна сама подойти к жениху. Нервно поправив сползающие очки, я придержала на голове покров и снова услышала недовольные шепотки. Юбку трепал ветер, грудь терзало отчаяние. Я ступила на снег, и брызнула из-под подошвы рассыпанная на снегу красная ягода, пачкая шелк. Мне стало дурно. Единый, да Гудрет точно от меня откажется! Кому нужна такая неуклюжая нареченная?

Пытаясь сберечь и без того подпорченное платье, я отступила от ягодной дорожки в снег, и ильхи начали переглядываться. Снова не то! Отчаянно закусив губу, я вернулась и сделала шаг. Щеки Гудрета алели пятнами. Верно, и ему обряд давался непросто.

Еще три шага, и окаянная дорожка почти пройдена. Оказывается, двигаться в таком длинном платье – сущее мучение!

«Держи голову высоко, будь достойной семьи! Да плечи расправь, мне за тебя стыдно, Эннис!» – произнесла в голове бабушка. На испачканный подол я старалась не смотреть.

Еще шаг – и мне отчаянно захотелось поправить очки. А еще растереть ледяные ладони и озябшие на ветру плечи, надвинуть на лоб окаянный полог и сделать хоть глоток воды. Но решилась я лишь на то, чтобы тайком облизать губы.

С места у стола открывался невероятный вид на Варисфольд. Солнце сияло над гаванью, расцвечивая холодные воды золотом. Город лежал внизу – невероятный, волшебный, многоярусный. И этот пейзаж заставил меня выпрямиться. Самое главное уже свершилось. Я здесь. Гудрет улыбается. И все будет хорошо!

Тихо выдохнула и глянула уже спокойнее. Мой жених тоже перевел дыхание, взял со стола тяжелый кубок, сделал глоток. И передал мне. Я радостно припала к краю, все же жажда меня замучила. Напиток оказался пряным и кисло-сладким, вкусным. Чуть улыбнувшись, Гудрет снял с себя шкуру и накрыл мои плечи. А потом резко уколол свой палец ножом и провел полосу на моем лице. Захотелось, как Иветта, произнести: варварство, ну какое же варварство! Но, конечно, я помолчала.

Ильх тем временем взял со стола тонкий обруч с красным камнем в центре. И, отбросив с моего лица полог, положил на ткань венец.

Я вздохнула с облегчением. Теперь я видела нормально, а не щурилась, словно крот из норы, пытаюсь хоть что-то рассмотреть сквозь кружева!

– Здесь, на скале предков, перед ликом перворожденных хёггов и старейшин рода, я, Гудрет, беру Эннис под руку свою, принимаю в дом свой, называю своей нареченной и надеваю ей на голову венец, – звонко произнес жених. За спиной раздался гул голосов. – Ты согласна войти в мой дом нареченной, Эннис? – серьезно спросил Гудрет.

Я замерла, всматриваясь в его темные глаза. Ища в них то, что было мне так нужно: понимание, поддержку, и пусть еще не любовь, но уже – симпатию. Хотелось навсегда сохранить этот момент в сердце. Чтобы вспоминать потом...

Открыла рот, собираясь сказать – «Согласна».

За спиной вдруг кто-то вскрикнул, зашумел, что-то стукнуло. Гудрет моргнул и отвернулся, прерывая обмен взглядами. Я хотела спросить, в чем дело, но не успела. Ильхи вздрогнули, слаженно выхватили мечи. При виде оружия стало не по себе.

– Да что происходит?!

Никто не ответил. Гудрет схватил меня за руку.

– Хёгг! Черный хёгг! – прокатилось над скалами.

– На нем кольцо Горлохума!

– В Варисфольде нельзя призывать хёгга!

– Нарушил закон! Отступник! – рыкнул огромный ильх с бородой, заплетенной в косичку.

Что?

Я обернулась. И остолбенела. Мое тело просто застыло, а разум отказывался верить в увиденное. Прямо на меня неслось чудовище. Существо, которого нет и быть не может. Дракон. В распахнутой пасти виднелось багровое нёбо и язык, клыки торчали смертоносными копьями. На гигантской голове дыбом стоял гранитный гребень, длинная шея с матовым кольцом переходила в мощный круп, покрытый пластинами, распахнутые крылья гнали воздушную волну.

– Хёгг! Хёгг!

Хёгг. Дракон.

– Энни!

Огромные лапы со скрежетом ударились в камень площадки. Шипастый хвост снес стол, а ильхи попадали, словно кегли. Воздушная волна сорвала мой покров вместе с венцом, и я очнулась. Да, этого не может быть. Да, в мой утренний чай, наверное, добавили какие-то странные травы. Да, это лишь галлюцинация.

Но если я не сделаю ноги, эта галлюцинация вполне натурально меня сожрет! Потому что злобные черные глаза монстра смотрели именно на меня!

– Убирайся! – Гудрет ткнул в черную лапу кинжалом, но чудовище этого даже не заметило. Лишь дернуло хвостом, отбрасывая в сторону моего жениха. Гудрет не устоял и покатился прямо к краю площадки, к пропасти.

Не думая, я бросилась за ним, ухватила за руку.

– Держись!

Хёгг зарычал, дыхнул, и по граниту прокатилось пламя. Запахло паленым, закричали ильхи... Из последних сил я дернула Гудрета на себя, вытаскивая из жадной бездны, потянула. Он уцепился за камень, перекинул тяжелое тело на край.

И выдохнул:

– Беги... Беги, Энни! Ты не понимаешь...

Я ничего не понимала. Вокруг царил хаос, крики, рык чудовища, пламя и гибель.

– Ему нужна ты! Беги!

Ужасающий взгляд дракона снова нашел меня, и когтистая лапа сгребла в смертельный захват. Меня сжало, скомкало, вжало лицом в пахнущую пеплом и землей плотную кожу, а потом дернуло вверх. Так резко, что дыхание выбило из груди, я задохнулась и совершенно потерялась в невозможности происходящего. Хлопок крыльев ударил по ушам, словно выстрел, хёгг сорвался в пропасть, а потом взлетел. Я ничего не видела, лишь ощущала рывки гигантского тела. И с каким-то отчаянным, безнадежным весельем я подумала, что теперь знаю великую тайну фьордов.

Драконы. Здесь обитали драконы.

И один из них тащит меня неизвестно куда!

Глава 4

Полет в тисках драконьей лапы остался в памяти ощущением удушья, ужаса, холода, рывков и запаха пепла, забивающегося в ноздри. Держало чудовище крепко, я даже не могла повернуться, меня просто сдавило воняющей лапой так, что я всерьез опасалась за свои ребра. Шея жутко затекла, щека горела огнем от впечатанной в нее дужки очков. Боги! И честно говоря, я опасалась открывать глаза, потому что мои окуляры вполне могли разбиться. Вдруг там торчат осколки? Мамочки...

Я даже призвала на помощь всевозможных богов, молясь о том, чтобы потерять сознание. Но нет! Моя нервная система оказалась на удивление крепкой и, несмотря на явную перегрузку, продолжала исправно работать. И сообщать моему воспаленному разуму подробности нашего увлекательного путешествия! Вот, судя по звукам, мы летим над водой, я слышу плеск волн. Да и ноги обдаёт ледяными брызгами. Вот мимо проплывают скалы, рычит какой-то зверь. Вот мы взмываем вверх, и от рывка закладывает уши... и снова – вниз, к воде...

Это длилось бесконечно, я уже перестала ощущать затекшее тело. Страх уступил место желанию поскорее куда-нибудь долететь. Ну в самом деле! Если чудовище собралось меня сожрать, то хорошо бы сделало это побыстрее. А еще желательно – и безболезненно. Потому что ожидание точно страшнее смерти!

Кажется, я все-таки отключилась. То ли задремала, то ли и правда – лишилась сознания. Очнулась от очередного рывка, а потом хёгг резко упал вниз и... ударился о землю остальными тремя лапами. «Мою» он поджимал, держа на весу. Когти разжались, и я кубарем вывалилась на снег. Кряхтя и подвывая, перевернулась и встала на четыре точки – колени и ладони. Принять иную, более грациозную или хотя бы приличную позу я была просто не в силах. Освобожденное от тисков тело кололо миллионом жал и иголок, ребра болели. Очки свалились с переносицы, и я даже удивилась, потому что была уверена, что они вросли в мою щеку! Пошарив, я нашла свои стекла и дрожащей рукой вернула на место. И тихо застонала – левое треснуло. А правое испачкалось. Может, поэтому мне кажется, что огромная туша чудовища дрожит и словно расплескивается?

Стянув очки, я, как смогла, протерла их куском грязного платья, нацепила на нос. И обомлела. Дракон-хёгг исчез. Там, где мгновение назад был монстр, теперь стоял человек. Мужик, тоже весьма устрашающей внешности. Ростом не менее двух метров, мощный, с клокастой черной бородой, заплетенной в три косички. Одет, как и многие ильхи – полотняные штаны, сапоги, рубаха, широкий кожаный пояс с металлическими кольцами. Наряд дополняла меховая накидка да рукоять огромного меча на боку. Один глаз закрывала повязкой. В ворота рубашки виднелся какой-то черный обруч.

Жуть!

И пока я, открыв рот, рассматривала ильха, одноглазый шагнул ко мне и, не церемонясь, подхватил. Поставил на ноги, и я икнула. Шатнулась, но устояла. Так же, не церемонясь, мужик потащил меня в сторону. Я лишь успела увидеть, что приземлились мы на скальную площадку – видно, любят хёгги такие места!

Одноглазый втащил меня в какой-то проход, протянул по узкому лазу-коридору и выпихнул в огромную пещеру. Я моргала и, кажется, поскуливала – от страха и полного непонимания происходящего. Хотелось заорать, что я переселенка, что у меня есть права и какой-то там фонд их защищает, но интуиция подсказывала, что этому одноглазому чудовищу плевать и на права, и на фонд. Да и на меня

тоже.

Внутри пещеры висел плотный, густой, жарко пахнувший пеплом полумрак. У дальней стены громоздилась какая-то куча, под ногами валялись ящики, коробки, сундуки, кубки, монеты...

– Слушай сюда, чужанская врачевательница! – Ильх остановился и рывком развернул меня к себе. Единственный его глаз – темный, как самая гиблая ночь, угрожающе блеснул. – Вот там, – короткий взмах в сторону кучи, – лежит тот, кого ты должна вылечить. Здесь есть твои чужанские лекарства, найдешь, что надо. Он должен очнуться, поняла? Если он умрет, я сброшу тебя со скалы. Если попытаешься бежать, я сброшу тебя со скалы. Если что-то сделаешь не так, я сброшу тебя со скалы!

Одноглазый мрачно прищурил свой глаз.

– И забудь про всякие глупости, поняла, дева? Ради того, чтобы притащить тебя в Карнохельм, я призвал хёгга над Варисфольдом. Нарушил закон. Стал отступником. И мне на это наплевать. Я пойду даже в пасть Хеллехёгга, если понадобится вытащить Рагнвальда! Осознай это своей ученой головой, дева! – ильх постучал грязным пальцем по моему лбу, и я отшатнулась. Босая нога – туфли остались где-то в волнах фьордов – попала на острый камушек, и я ойкнула. Одноглазый с пугающей заботой меня придержал и даже прислонил к стене.

– Он умирает. Лечение фьордов не помогает, – припечатал ильх. В темном глазу мелькнуло отчаяние. – Черный хёгг умирает. Умрет Рагнвальд, умрешь ты. Я сказал, дева! Вылечи его!

– Но я... – я отмерла наконец.

Ильх склонился и щелкнул зубами прямо перед моим носом.

– Некогда мне с тобой болтать, врачевательница! Слишком много времени я провел вдали от Карнохельма! – он хмуро осмотрел мою дрожащую и сжавшуюся от ужаса фигуру. Поморщился недовольно.

– Не выходи из пещеры. Я приду завтра. Лечи, дева!

И скрылся за поворотом лаза.

Слова «но я вовсе не врачевательница» так и остались при мне.

Некоторое время я так и стояла – привалившись к стене. Мне надо было как-то осознать случившееся и привести в порядок свое пошатнувшееся и вставшее с ног на голову мировоззрение. Итак, на данный момент своего прискорбного положения я могу сделать несколько выводов. Во-первых, фьорды населены драконами. Второе. Драконы-хёгги, похоже, способны оборачиваться людьми. Да, это невозможно, но я устала повторять эту фразу! Третье: меня похитили и почему-то считают врачевательницей. Почему – понятия не имею. Машинально поправила свои очки. Очки! Может, этот сумасшедший верзила принял меня за Иветту? Госпожа врач тоже носила окуляры... Очевидно, одноглазый узнал, что в Варисфольд прибыла переселенка-врачевательница, но не знал, что из-за Тумана приехало две невесты? Не только ученая Иветта, но и неуклюжая, ни на что не годная Эннис...

И напоследок – я должна кого-то вылечить, иначе...

Во рту стало кисло, кажется, я прикусила щеку.

Сдернула очки, поправила кривую дужку, безнадежно протерла стекла, вернула на место.

– Надо взять себя в руки, – пробормотала я, с ужасом всматриваясь в полумрак. Успокоиться не удалось, меня колотило от страха и непонимания. А я ведь не верила в дикость фьордов! Как и многие, думала, что здесь всего лишь немного другой уклад жизни! Вот какой уклад – спереть нареченную со свадьбы, притащить в какую-то пещеру и улететь, порывая!

Ужас-то какой!

Всхлипнув, я рванула к лазу-коридору. Промчавшись насквозь, выскочила наружу. В грудь ударил холодный морской ветер. С двух сторон площадку подпирали отвесные скользкие скалы, с третьей, открытой, была пропасть.

Ежась от холода, дрожа и с трудом вытаскивая ноги из снега, я осторожно приблизилась к краю, глянула вниз. И отшатнулась. Внизу билось об острые гранитные пики море.

Вода пенилась и бушевала, норовя добраться до меня, слизнуть с ненадежной площадки и утащить на дно. И до самого горизонта была лишь свинцовая вода. Ни клочка суши, ни корабля, ни помощи.

Выругавшись так, что моя бабушка наверняка упала бы в обморок, я двинулась обратно в пещеру.

Внутри было относительно тепло, и это пока оказалась единственная хорошая новость. Меня колотило от страха и холода, тело заоченело. Так что какое-то время я просто растирала руки и ноги, надеясь, что те не отвалятся от обморожения. А когда немного согрелась, начала оглядываться. Своды каменной ловушки терялись во мраке. Как и противоположные стены. Освещала это странное помещение огромная куча... углей! Сделав шаг ближе, я удивленно всмотрелась в целую гору слабо тлеющей золы. От нее исходил густой жар и слабый красноватый свет. В этих тусклых отсветах я смогла рассмотреть кучу хлама, наваленного здесь же. Похоже, в пещеру просто тащили и сваливали все подряд – от золотых тарелок до железных ящиков, на которых я с удивлением рассмотрела медицинский знак Конфедерации. Поглазев на это добро, я обошла кучу по кругу. Одноглазый сказал, что здесь лежит умирающий. Но где же он?

Не то, чтобы я и правда надеялась кого-то спасти, но осознание, что в этом жутком месте прячется еще один ильх, сильно нервировало. Если он окажется таким же жутким и агрессивным, как одноглазый, боюсь, что лучшее – это самостоятельно прыгнуть в море. Крадучись и замирая на каждом шагу, я обошла черную кучу. Рассмотрела ящики и наваленное там барахло. Но человека не нашла. Может, одноглазый варвар просто местный сумасшедший, и здесь никого нет? Или тот человек, Рагнвальд, выздоровел без помощи неумехи-чужачки да ушел? Как-нибудь...

Может, здесь вообще есть другой выход?

Воодушевившись и прибодрившись, я снова обошла пещеру, тщательно исследуя стены в надежде увидеть дверь. Или лаз. Или хотя бы дыру! Но через пару часов устала, выдохлась, вконец проголодалась, а кроме влажных камней

так ничего и не обнаружила.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. Собственный голос прозвучал жалобно и испуганно. – Бред какой-то! Зачем этот двухметровый псих меня похитил, если здесь пусто? Нет здесь никакого Рагнвальда! Ну и имечко, кстати... Язык можно сломать!

Громадная черная куча углей мелко дрогнула, осыпаясь. И в провале показалась узкая голова с закрытыми глазами. Змеиная. Ну, если не считать жутких загнутых шипов-рогов и гигантских размеров.

Я шарахнулась назад, наступила на свой подол и, взмахнув руками, рухнула на утоптаный земляной пол. Взыв от боли, перевернулась и поползла к стене, боясь оглянуться. Спряталась за железный ящик, затихла. Ужас сдавил сердце тисками, не давая дышать. Ужас и понимание.

Загадочный Рагнвальд здесь все-таки был. И это был дракон.

Глава 5

Через полчаса настороженного дрожания за ящиком я рискнула выползти наружу. Гора углей по-прежнему тихо тлела, чудовищная голова снова скрылась в золе. В пещере висела тишина, нарушаемая лишь моим сиплым дыханием.

Хёгг не подавал никаких признаков жизни.

Может, он уже умер?

И одноглазый, вернувшись, сбросит меня со скалы прямо на черные пики!

– Хватит трусить, Энни! – шепотом ободряла я себя.

Нет, все-таки как меня угораздило так влипнуть? Я ведь почти обрела счастье! Перед глазами воочию встала фигура Гудрета, его улыбка. Ну почему, почему, мне так не везет? И как можно перепутать меня с Иветтой, в конце концов, я на пятнадцать лет младше!

Сокрушаясь и ворча, чтобы не было так страшно, я снова обошла пещеру. Может, сказать одноглазому, что он ошибся? И я не та, кто ему нужен? Он проникнется и вернет меня обратно, в Варисфольд, к жениху!

Я фыркнула от этих мыслей. Ну да, как же! Стащив меня, это чудовище нарушило какой-то закон. И узнав об ошибке, скорее, просто избавится от помехи. Да-да. Скинув со скалы!

Да и не поверит мне одноглазый. Решит, что вру и просто не хочу лечить этого Рагнвальда! Чтоб ему икалось! А если поверит, будет еще хуже – вдруг сумасшедший надумает и меня со скалы сбросить, и за Иветтой слетать? Ой, мамочки...

Мрачно покосившись на неподвижную кучу углей, я покачала головой.

Нет, правду говорить нельзя. Значит, мне остается лишь притворяться врачевательницей. И искать пути спасения! Помогите мне эти самые... перворожденные хёгги! Будь они все неладны!

Попинав с досады кучу какого-то тряпья, я решила, что для начала надо найти хоть что-то, похожее на обувь. Внутри пещеры хоть и тепло, но из лаза тянет холодом, да и земляной пол усыпан острыми угольками. Порывшись, я вытянула какие-то грязные тряпки и скривилась.

– Сгодится на портянки, – пробормотала я, решив, что не время привередничать. Приладить тряпку к ногам оказалось непросто, пришлось оторвать от своего наряда ленты и крепко обвязать импровизированный носок. О том, во что превратилось мое прекрасное платье, я старалась не думать, хотя его до слез было жаль. И за эту загубленную красоту особенно хотелось убить одноглазого.

Урод фьордовский! Сволочь!

Передернула плечами и поднялась. Через час поисков я поняла, что основное содержимое ящиков и сундуков – медикаменты. Все подряд. Ампулы, склянки, пилюли, шприцы и таблетки... Некоторые с давно истекшим сроком годности. Откуда это добро на фьордах и как оказалось в этой пещере, я не имела понятия. Еще удалось найти кучу грязных тряпок и рваное лоскутное одеяло. Но на этом полезные находки закончились. Ни еды, ни воды, ни нормальной теплой

одежды в пещере не было.

Я перебрала ветхие грязные лоскуты и отбросила с досадой. Сплести из этого прочную веревку, чтобы спуститься со скалы – тоже не выйдет. Дыра на дыре и дырой погоняет! Такая веревка не выдержит и кошку, не то что довольно упитанную переселенку.

Одноглазое чудовище не оставило ни единого шанса на побег!

А мне жизненно необходимо выбраться! Только бы покинуть эту скалу, найти людей, мне помогут! Точно помогут! Я вернусь в Варисфольд к Гудрету! Я не сдамся!

Проклятый одноглазый.

– Сволочь двухметровая, – прошипела я. – Ненавижу!

Почесала затылок, размышляя. В волосах обнаружился мусор, красиво уложенная коса растрепалась. Выглядела я наверняка как чучело! Да еще и стекло в очках треснуло! И есть хотелось...

Желание расплакаться достигло апогея, но я себе не позволила. Потом пореву. Где-нибудь в тепле и безопасности. А здесь лучше вообще никаких звуков не издавать, мне совсем не хочется снова увидеть голову хёгга! Не говоря уже об остальных частях его тела!

Подумав, я высыпала из небольшой железной коробки ампулы и снова вылезла наружу. На скалы опустилась ночь. Тяжелая, звездная, бархатная. Тьма лежала таким густым плотным пологом, что казалось – ее можно потрогать рукой. Синие звезды россыпью камней окружили тонкий серп месяца. Ночь принесла с собой мороз, и в своем рваном платье и грязном одеяле поверх него я мигом продрогла. Ноги в импровизированных носках-портянках окоченели.

Значит, у меня есть еще один враг – зима. Без теплой одежды я далеко не убегу. Да и как вообще отсюда убежать?

Попрыгав, чтобы согреться, я зачерпнула в ящик снега. Набила до верха и бегом вернулась в пещеру. Тепло мягко обняло меня, и я вздохнула. Поставила свой ящик со снегом на угли с краю и присела рядом, надеясь, что растает он быстро. Но пить хотелось так сильно, что не дождалась, сунула белый комок в рот. Зубы сразу заломило. Зато жажда отступила. Жаль, что нельзя так же просто решить вопрос с питанием.

От усталости и пережитого страха тело стало ватным и тяжелым. Да уж, непростой день у меня выдался.

Инстинкт подсказывал, что устроиться на ночлег лучше подальше от монстра, да только снаружи я мигом превращусь в ледышку. Стараясь не шуметь и пытаясь от напряжения, я стащила в дальний угол все железные ящики, выстроила заграждение-баррикаду. Между ней и стеной сложила все найденные тряпки. Вряд ли это можно назвать постелью, но хоть что-то...

Залезла в свое убежище, свернувшись клубком. Очки положила рядом. И затихла. Живот ворчал от голода, тело ломило... в узком лазе выл ветер, потрескивали от порывов воздуха угли. Чудовище звуков не издавало.

И мне было страшно.

Глава 6

Уснула, как провалилась.

Сознание все пыталось сохранять контроль, бодрствовать, но усталость взяла свое. Только сон вышел нервным и тяжелым. От каждого звука – непривычного и пугающего – я вздрагивала и просыпалась. Да и лежать на жестком земляном полу оказалось холодно и неудобно.

В очередной раз открыв глаза, я отшатнулась. Рядом со мной сидел на корточках мужчина, одетый лишь в простые полотняные штаны. Лицо и рифленое от литых мышц тело сплошь покрывали рисунки – багровые, подозрительно похожие на запекшуюся кровь. Я присмотрелась. Крылатые силуэты, оскаленные морды, когти и клыки – хёгги. Несмотря на отсутствие нормальной одежды и обуви, от холода ильх не страдал. Напротив. Смуглую кожу покрывали бисеринки пота, и казалось, от сильного тела даже идет пар. Мой ошалевший взгляд прошелся по

широкой груди, по плечам, по рельефному прессу.... Дернулась в сторону, чтобы не видеть темную дорожку волос ниже. Сглотнула. И наконец посмотрела незнакомцу в лицо.

Меня разглядывали бесстрастные и холодные глаза. Взгляд – отстраненный и равнодушный – непонятным образом затягивал в свою глубину, словно ледяная воронка. Расширенные зрачки скрывали радужку, но кажется, она была светлой. Я изумленно уставилась на мужское лицо, впитывая его черты. Широкие темные брови вразлет, высокие острые скулы, прямой нос, красиво вылепленные губы и четкая линия подбородка. Незнакомец оказался безбородым, лишь с тенью щетины. Длинные темные волосы были связаны за спиной, как и у многих ильхов, а на шее тускло блестел черный обруч.

Мужчина не двигался. Застыл на корточках, не сводя с меня внимательного взгляда. С отстраненным интересом исследователя он рассматривал мое лицо, растрепанные волосы, грязное платье. Плечо, виднеющееся в дыре. Ладони с обломанными ногтями. Очертания груди и бедер. Колени. Ноги, замотанные тряпками.

Меня бросило в жар, щеки заалели. И почему от этого взгляда хочется либо прикрыться, либо...

Не додумав крамольную и стыдную мысль, я охнула и неловко села, поджав ноги.

Незнакомец не шелохнулся. Лишь зрачки в его глазах на миг сузились – и снова затопили светлую радужку. Словно не живой человек, а статуя! Только от мощного тела пышет жаром, показывая, что это все-таки не камень! Но как он попал в эту пещеру? Неужели и правда есть другой выход? Может, этот ильх мне поможет? Признаков агрессии он не выказывал. Просто смотрел. Вернее, неприлично и бесцеремонно разглядывал, но что взять с варвара? Вряд ли мужчина, покрывший лицо и тело кровавыми узорами, хоть что-нибудь понимает в приличиях!

Я тронула переносицу, чтобы поправить очки. И замерла. Стекол на носу не было. Ну конечно, я ведь сняла их, когда легла спать! Но тогда как я так хорошо рассмотрела и рельеф мышц незнакомца, и его босые ноги, испачканные в саже, и темные ресницы?

Это что же выходит...

Я вздрогнула и... проснулась.

Рывком нацепила окуляры, осмотрелась. Никакого ильха рядом со мной не было. Конечно, не было, он лишь приснился мне. Может, я видела кого-то похожего в Варисфольде, вот воспаленное сознание и нарисовало образ?

Я нахмурилась. Потому что была уверена, что никогда не встречала этого мужчину. Творческие таланты моей семьи мне не достались, зато память я получила отменную. Нет, незнакомца я раньше не видела, такое лицо точно не забывается. Значит, он лишь плод моего воображения?

Вероятно...

Сон слетел. К тому же, я успела окоченеть.

Кряхтя и растирая озябшие руки, я выбралась из-за баррикады ящиков. Угли почти догорели, отчего в пещере стало темно и холодно.

И только я собралась размяться и попить, как огромная черная куча пришла в движение. Дрогнула верхушка, и обугленные деревяшки посыпались вниз, выпуская огромную драконью голову на длинной шее. И эта чудовищная голова повернулась в мою сторону. Открылась клыкастая жуткая пасть. А потом хёгг тихо зашипел и устремился ко мне!

Завизжав от ужаса, я рванула в сторону выхода. Страх совершенно лишил меня самообладания. Боги! Да хёгг же меня сейчас сожрет! Наверняка проголодалась зверюга, а тут я – сочный и даже упитанный кусок мяса! Перекусит пополам своими зубищами, заглотит и не заметит!

– Подавишься! – заорала я скорее от страха.

Видимость в пещере была почти нулевая, лишь со стороны лаза тянулась полоска серого света. К ней я и неслась, почти не соображая. Огромное тело дракона угрожающе ворочалось позади, норовя схватить! И когда вожаемое спасение уже дышало в лицо свежим воздухом, моя проклятая неуклюжесть все

испортила! Под ногу попался острый камушек, даже портянки не спасли! И я, нелепо взмахнув руками, упала. Охнула, ударившись коленками. И тут же вопль замер в глотке. Ко мне склонилась драконья голова. Очертания рогатой змеиной морды. Из жуткой пасти пахло кровью. Верно, съел уже кого-то... Может, еще одну глупую переселенку?

Вот тебе и новое будущее, Энни! Для чего я покинула дом? Чтобы стать обедом чудовища?

– Пошел вон! – заорала я от потери сознания. Да-да, оно точно меня покинуло, оставив лишь слабо дергающееся и орущее в истерике тело. – Не трогай меня! Не приближайся! Не смей меня жрать, сволочь! Я – ядовитая!

Блики света сплясали на влажных клыках. Огромных. И я треснула дракона по носу. Ладонью. Понимая краешком ошалевшего сознания полнейшую абсурдность своих действий. Но паника не давала мыслить, инстинкт лишь требовал защищаться. Как угодно!

Всхлипнув, я задом поползла к лазу, надеясь выбраться, пока дракон не двигается. Проход слишком узкий, хёгг не сможет вылезти за мной наружу! Это мой шанс! Пятясь, я достигла скального коридора и тут уже вскочила, не обращая внимания на боль в лодыжке. И понеслась наружу.

Позади взревело чудовище. Глухо, протяжно. Словно от боли. И мое сердце сделало в груди кульбит. Что с этим монстром? Почему от так воет? Разве драконы вообще воют? Хотя что я об этом знаю!

Ударившись плечом о выступающий камень и ободрав кожу, я вывалилась наружу. Упала на снег, тяжело дыша и жадно хватая открытым ртом лед.

И тут сверху раздался ненавистный голос одноглазого ильха.

– Он очнулся! Хёгг очнулся! Помогла чужанская врачевательница! Я знал, что он не умрет! Выкарабкается!

Я неуклюже поднялась, стряхнула снег и с ненавистью глянула на бородатого ильха. Выглядел он так же, как и вчера, лишь на его плече болталась тушка

барана. Единственный глаз ильха весело поблескивал, на меня он сегодня смотрел почти радушно.

– Притащил закуску для зверя! – усмехнулся ильх, увидев мой взгляд. – Покормлю и вернусь, жди здесь, дева. Кажется, хёгг не в духе, слышишь, как рычит? Может, не нравится ему твое лечение? Да ты не пугайся, я же шучу!

И радостно оскалившись, зашел в лаз.

Я привалилась к ледяной стене и обхватила себя руками. Внутри пещеры одно чудовище уговаривало другое отведать вкусного свежего мяса. Снова завыл хёгг. Но как-то глухо, безнадежно.

Изредка доносились какие-то шлепки, треск, голос ильха. Он что-то бормотал, то ли молитвы, то ли ругательства – не разобрать.

А потом и вовсе все стихло.

Одноглазый вернулся, когда я почти вмерзла в гранит.

Глянул радостно и, сдернув с себя меховой плащ, укрыл мои плечи. Укутал накрепко и даже завязал веревку у горла. Потом стащил свои сапоги и, присев, впихнул в огромные обувки мои окоченевшие ступни. Голенище доставало мне до бедер, а внутри сапог оказалась куча свободного места, даже несмотря на портянки. Я не двигалась, понимая, что возражать бесполезно, да и глупо. Мех остро пах мужским телом, но и согревал отменно. Блаженное тепло окутало благословенным пологом, и мои зубы почти перестали стучать.

Ильх потоптался рядом. Его, кажется, вовсе не смущало отсутствие верхней одежды и обуви, варвар лишь расправил плечи да потянулся.

– Ты на меня не злишь, врачевательница, – неожиданно выдал одноглазый. – Не хотел я, чтобы так. Но и выбора у меня не было. Рагнвальд много дней не приходил в себя, я устал жечь вокруг него костры да плавить золото. Умирал он. И место силы не помогало! Хёгг его умирал, и брат умирал. А ты что-то сделала, и он очнулся. Первый раз! – Ильх потрогал рукоять огромного топора на своем поясе, и я вздрогнула.

От одного вида этого огромного одноглазого ильха хотелось куда-нибудь спрятаться! Я выросла среди женщин, в обстановке тепличной и одухотворенной, и такая агрессивная мужская сила в непосредственной близости от меня – подавляла и пугала.

Правда, недостаточно, чтобы заставить умолкнуть любопытство.

– Что такое место силы?

– Так вот же оно, пещера эта, – удивленно протянул ильх. – Золото и жар углей. Верное средство для раненого черного хёгга! У вас там, за Туманом, что же, совсем ничего не знают?

Я мотнула головой и хотела спросить, что случилось с тем чудовищем внутри, почему зверь умирает, но прикусила язык. Какое мне до этого дело? Я все равно не смогу его вылечить!

– Так что ты лечи его, врачевательница. Лечи, дева! Я все фьорды облетел в поисках такой, как ты! Твоя Конфедерация, говорят, иная, там есть ученые девы, такие, как наша Оливия-хёгг. Лечи и останешься жива!

– Может, еще и в Варисфольд пообещаешь вернуть? – произнесла я и сама удивилась тому, как хрипло звучит голос. Наоралась. Ну или замерзла.

Одноглазый помрачнел.

– Врать я не приучен, – мрачно протянул он. – В Варисфольд тебе возврата нет, дева. Но вылечишь Рагнвальда, жить станешь в Карнохельме, это я тебе, Бенгт Одноглазый, обещаю. И не сердись. Пусть нет у нас трех десятков сияющих башен, да тоже найдем, чем удивить. Только вылечи, дева. А там... Риар Города-над-Бездной в долгу не останется!

Я хмыкнула. Значит, от угроз перешли к обещаниям? Ну-ну. Только вот что делать с тем, что на фьорды я приехала к жениху, и что я вовсе не врачевательница? И почему чудовище очнулось, я понятие не имею! И вообще, ему не врач нужен, а какой-нибудь звериный знахарь! И то...

Словно услышав мои мысли, Бенгт прищурил свой глаз.

– Ты уж старайся, дева! Хорошо старайся! Награжу, если все сделаешь верно. А если нет... Я уже говорил, врачевательница. Помни мои слова!

Ну вот, снова угрозы. Какое непостоянство!

Я благоразумно прикусила язык.

– Углей я накидал и огонь разжег, для хёгга это сейчас первое снадобье – чтобы жара побольше, – задумавшись, произнес Бенгт. – Вот только от мяса хёгг отказался. Плохой признак! Зверь, который не ест – умирает. А он не ест уже, – ильх растопырил пальцы, нахмурился, мотнул головой.

Он что же, даже считать не умеет?

– Долго! Долго не ест! Как я отправился на поиски лекарства, так и не ест! Так что ты накорми его, врачевательница!

Что? Я должна кормить это чудовище? Это каким, интересно, образом?

– Для тебя я тоже кое-что принес, вы, чужанские девы, говорят, нежные, к сырому мясу и простой жизни неприученные. Наши-то закаленные, а то, что ты иная, я как-то подзабыл... Вот, возьми. Там копчености и сыры, поешь. – Бенгт ткнул пальцем в мешок у скалы. – Шубу оставь себе, обувь я подходящую потом найду, в этой пока походишь. К тому же, ходить тебе и не надо, сиди в пещере да лечи моего брата! Да не трясись так! Я же не зверь!

Ну с последним я бы поспорила, но предпочла промолчать.

Ильх досадливо поморщился, окинул меня еще одним хмурым взглядом. Задержался на растрепанных кудрях и кривых очках. Постоял, раздумывая и поглаживая рукоять своего топора. Кто б сказал варвару, что этот жест совершенно не располагает к душевной беседе с ним!

– И еще. Когда хёгг рычит, лучше прячься, дева. Кольцо Горлохума порой тяжелая ноша. А для того, кто призвал зверя в таком возрасте – вдвойне. Так что

ты берегись, дева. Слышишь рык – сиди тихо и молись перворожденным, чтобы Рагнвальд вернулся и сохранил свой разум. Мой брат сильный. Он справится! А ты ему помоги, врачевательница! Помоги, слышишь? Это важно.

Бенгт вдруг качнулся ко мне, словно хотел сжать плечи. Я испуганно шарахнулась назад, и ильх застыл. Почесал свою бороду, поморщился досадливо. Кивнул мрачно, развернулся и, не прощаясь, побежал к краю площадки.

Рухнул вниз. И через миг над пропастью взлетел черный дракон. Глянул в мою сторону и, завалившись в бок, полетел вдоль скал.

Я стояла, пока черная туша не превратилась в точку, а потом и вовсе растворилась в облаках.

Из пещеры не доносилось ни звука.

Вздохнув, я развязала мешок, принесенный Бенгтом. Внутри и правда была еда – несколько полосок копченого мяса, лепешки и кусок пресного сыра. В былые времена на такое нехитрое угощение я бы и не посмотрела, а сейчас запихивала сухие куски в рот, облизывая пальцы и урча от удовольствия.

– Скоро я тут сама озверею, – пробормотала, когда голод немного отступил. Усмехнулась, представив, что сказала бы моя семья, увидев сейчас Эннис Вилсон! Вот такую – лохматую, грязную, в чужой одежде, жадно раздирающую кусок мяса и даже, кажется, порывивающую, чтобы не отобрали! Тетушка Джун наверняка упала бы в обморок, тетушка Хло – потребовала сердечные капли, а бабушка окинула бы разочарованным взглядом, ясно говорящим, что ничего иного от сорняка Энни она и не ждала.

Но сейчас на этой скале не было моих родственников. Здесь была лишь я и чудовище!

С трудом заставив себя остановиться и не съесть все, что было в мешке, я отложила еду. Протерла лицо снегом, сунула в рот ледышку. И, крадучись, двинулась в сторону пещеры. Мне хотелось бы остаться здесь, в относительной безопасности, но не выйдет. Выжить на ледяной скале я точно не смогу, даже в шубе!

Оставшиеся продукты я пристроила у входа, придавив мешок большим камнем. И осторожно вошла в пещеру. Хёгга видно не было, у дальней стены снова возвышалась гора золы и углей. Похоже, Бенгт постарался, завалив дракона по самую макушку. Красноватые прожилки углей порой разбрасывали искры и давали тусклый свет. Я потопталась у входа. Надо придумать, как отсюда выбраться и вернуться в Варисфольд. Там мне помогут! В конце концов, есть же фонд содействия переселенкам!

Хмыкнула. Ну да. Где был этот фонд, когда меня с собственной помолвки утащил дракон!

Возле кучи углей лежали на ящике куски мяса – похоже, Бенгт тут помахал своим топором! Я поморщилась. И что мне делать с этой мясной лавкой? Варварство какое...

Чихнула, подтверждая свои невеселые мысли. И нахмурившись, полезла в ящики с лекарствами. Не знаю насчет хёгга, а вот мне точно не помешает помощь. Закинув горсть знакомых пилюль в рот, я запила все талой водой и уселась на ящик – думать. Правда, толку от моих размышлений пока не было. Как выбраться из этой ловушки, я по-прежнему не знала. Меня не учили выживать на ледяных скалах или лечить драконов! Я не знаю, что делать!

Снова чихнула и потерла нос.

Гора углей оставалась неподвижной. Может, этот ужасный дракон уже умер?

Я вскочила, не зная, стоит ли радоваться. Если чудовище сдохнет, вряд ли Бенгт меня пожалеет! Покосилась на останки несчастного барашка. Мысль, пришедшая в голову, казалась абсурдной, но надо же что-то делать! Если хёгг выживет, меня хотя бы снимут с этой проклятой скалы!

Конечно, я понятия не имею, как лечить дракона. Да что там! Я не умею лечить даже кошек, у меня никогда не было домашнего питомца. Но если отнести этого неведомого хёгга к обычному зверю – из костей, мяса и крови, то на него должны действовать лекарства!

Стараясь не вдаваться в размышления о возможных последствиях своего безумства, я вытащила ампулы с антибиотиком и общеукрепляющим средством. Набрала в шприц и воткнула иглу в мясо.

– Надеюсь, у тебя нет аллергии, ящерица крылатая, – пробормотала я, наспиговывая барашка.

Справившись, стерла со лба испарину и снова осмотрела кучу. Вспотела я не от жары, хотя в пещере было тепло, а от осознания того, что делаю. Хотя терять все равно нечего. Бенгт сказал, что чудовище умирает, значит, я вряд ли сделаю хуже.

– Эй ты, обед подан! – мой голос прозвучал тихо и жалко. – Слышишь меня? Здесь вкусный сочный барашек, тебе точно понравится! Хочешь кусочек?

Дракон не подавал признаков жизни. Ни движения, ни дыхания...

Я подобрала валяющуюся возле ящиков палку и осторожно подошла ближе.

– Ты меня слышишь? Эй, не смей умирать! Если ты сдохнешь, этот одноглазый Бенгт сбросит меня со скалы! Так что немедленно вытащи из этой кучи свою голову и съешь этого несчастного барана! Рагнвальд, ты еще жив? Кстати, у тебя ужасное имя. Тебя так называли, чтобы все вокруг сломали язык, пытаюсь к тебе обратиться? Не знаю, может, у вас на фьордах и принято ломать языки, а я вот не буду. Потому что я из цивилизованной, просвещенной Конфедерации, где нет никаких хёггов и варваров! Слышишь? И я уже ненавижу ваши дикие фьорды! А ну, вылезай! Давай, покажи свою безобразную морду! Ты самый гадкий хёгг на свете, понял? Вылезай немедленно!

Снова ударила по углям, разворошила. Бабушка всегда говорила, что в минуты волнения во мне просыпается уличная девчонка, способная сквернословить и орать. Все дело в порченной крови, утверждала она, ибо истинная Вилсон никогда не позволит себе подобного беспредела. Благородная девушка предпочтет красиво лишиться сознания, чем начнет топтать ногами и орать. В нашей семье никто и никогда не повышал голоса. Всю глубину презрения и недовольства Вилсоны способны выразить изящно заломленной бровью.

Ну а я не истинная, так что снова ткнула палкой и заорала, понося хёгга, на чем свет стоит. Если в этом создании есть хоть капля разума, то хёгг выползет хотя бы для того, чтобы сожрать наглую орущую деву!

Куча дрогнула и начала осыпаться. Я завизжала, скатилась с кучи и вылетела из пещеры. Прижала руку к груди, в которой заполошно стучало сердце, и зажмурилась до разноцветных кругов перед глазами.

Из темного каменного нутра раздался злобный рык, переходящий в вой. Звук был настолько ужасным, что я закрыла уши ладонями. Удар изнутри пещеры заставил меня подпрыгнуть, а камни – содрогнуться. Мамочки! Чудовище, похоже, пытается выбраться! Кажется, мои оскорбления ему все-таки не понравились!

Отбежала к самому краю площадки, сжалась у камней. Хёгг бесновался и выл, внутри пещеры что-то гремело и падало! Я с головой укрылась шубой, от страха начало тошнить. Или это от сухого мяса, к которому я совсем не привыкла?

К счастью, грохот и рычание продолжались недолго. Но даже когда все стихло, я предпочла еще некоторое время ходить по площадке то приседая, то размахивая руками, чтобы согреться. А окончательно устав, рискнула вернуться.

Хёгг вытянулся возле лаза, почти перекрыв вход. В тусклых бликах света, пробивающихся в пещеру, я видела его змеиную голову и глаза, затянутые мутной пленкой. Дышал дракон тяжело, надрывно. И на мои движения не реагировал.

Бояться я устала, поэтому бочком протиснулась мимо монстра, замирая на каждом шагу и вслушиваясь в дыхание зверя.

Пещера выглядела так, словно в ней хорошенько порезвился... дракон! Все ящики оказались разбросанными, часть ампул и склянок – разбиты. От тряпок, что служили мне постелью, остались лишь лоскуты! От разворошенной кучи угля в воздухе нечем было дышать! Барашка я не видела, но порадоваться удачному исполнению задуманного не успела – наступила в останки несчастного животного! Мясо и требуха живописно устилали земляной пол.

Я закусила изнутри щеку, сдерживая злость. Вот же сволочь хвостатая!

Привалилась к стене, поморгала, и через одно уцелевшее стекло очков всмотрелась в грудь, обтянутую чешуей. Даже так – при скудном освещении и с моим отвратительным зрением, было понятно, что дело плохо. Левый шип на голове дракона оказался сломан, слой золы покрывал длинное тело, но не мог скрыть неестественную худобу зверя. Его крылья лежали линиями пыльными тряпками, а впалые бока так тяжело поднимались при попытке вздохнуть, что становилось ясно: чудовище сражается за каждый свой вдох. Может, с теми самыми перворожденными. Хищник выпустил наполовину когти на передних лапах, да так и застыл, словно не мог втянуть их обратно. Он глотал воздух – трудно, шумно, замирал на бесконечный миг, а потом со свистом выдыхал. Его пасть приоткрылась, и на пол текла густая слюна, образуя липкую лужу. Пленка на глазах пожелтела, уплотнилась и уже не открывалась.

Хёгг действительно умирал. И у него уже не было сил даже на то, чтобы сожрать одну наглую переселенку.

Внутри шевельнулась жалость. Все же этот зверь был... красив. Даже вот такой – на своем последнем вздохе. Он был олицетворением фьордов, такой же дикий, непонятный и загадочный. Дома я видела разных зверей – в специальных питомниках, но ни один не мог сравниться с хёггом. И видеть гибель живого существа было жутко. Да еще и такую...

Я нахмурилась, до боли сжав кулаки. Что же мне делать? Барашка хёгг лишь отбросил, но есть не стал. Значит, и лекарств никаких не получил. А что если... попытаться влить ему их с водой? Хуже точно не будет!

Схватив железный ящик, я выскочила наружу и принялась торопливо сваливать в емкость снег. Нагребла побольше и потащила обратно. С трудом втянув эту странную посудину, я с сожалением посмотрела на разворошенные угли. Топить снег слишком долго, промежутки между вдохами хёгга становились все длиннее. А я не хочу оказаться сброшенной со скалы!

Склянки хрустели под ногами, в полутьме я уже не понимала, где какое средство. И потому, закусив губу и стараясь не думать о том, что делаю, просто вывалила в снег все, что нашла.

От ужаса у меня подгибались колени, но даже когда я приблизилась к жуткой пасти почти вплотную, хёгг не пошевелился. Дыхание зверя оказалось сухим и

уже почти не различимым. Порадовавшись, что пасть приоткрыта, я выгребла слегка подтаявший снежный ком и сунула на серый язык дракона. Как раз между двумя клыками, способными перекусить меня пополам.

И тут же отпрыгнула в сторону. Вжалась в стену, ощущая, как течет вдоль спины холодный пот.

Хёгг не пошевелился.

Снова приблизившись, я скатала еще комок, засунула в пасть зверя. И еще. И снова. Пока ящик не опустел. Чудовище не двигалось. И, кажется, уже не дышало.

– Не умирай, – отчаявшись, протянула я. – Дыши, ну же! Ты можешь! Ты точно можешь сделать еще один вдох, слышишь? Ты обязан его сделать! Ну пожалуйста! Слышишь меня? Попытайся! Не смей умирать, понял?!

Бесконечно долгое мгновение ничего не происходило. А потом хёгг слабо сглотнул. Часть снега вывалилась наружу, но часть он все-таки проглотил. Крылья вяло трепыхнулись. Я же подпрыгнула и, выскочив наружу, нагребла еще один ящик снега. Пыхтя, как груженный паровоз, втащила его в пещеру, насыпала и налила лекарств. На такую тушу, как это чудовище Карнохельма, надо целый вагон снадобий!

Надеюсь, хёгг не захлопнул пасть!

Но нет. Дракониий язык – бледный, в сером налете, по-прежнему безжизненно лежал меж клыков. Дальше я катала комья, засовывала в пугающую глотку, снова катала и снова засовывала!

– Давай же, глотай, – бормотала я. – Ты сможешь, слышишь? Еще разочек! Ну ладно, два разочка... Глотай, ну же! Не знаю, что я делаю, мне очень страшно, но у нас с тобой нет выбора, понимаешь? И ты не такой уж безобразный... глотай, прошу тебя!

Я несла всякую чушь, подбадривая себя болтовней и с трудом удерживая торжествующий вопль, когда хёгг все-таки сглатывал! Ему это давалось с

трудом, мучительная судорога пробежала по длинному телу и дугой распирала грудную клетку. Но он все же глотал!

Еще несколько ящиков, полных белых ледяных комков, исчезли в утробе чудища. Я окончательно взмокла и так устала, что ноги начали дрожать. А когда ящик вывалился из рук, поняла, что пора сделать передышку. Сколько снега я сумела затолкать в нутро хёгга?

Зверь так и не двинулся с места, даже глаза не открыл, но я слышала его вдохи – тяжелые и редкие. Но они были!

Мое тело тряслось от нервного потрясения и усталости. Разворошенные угли почти погасли, и в пещере стало ощутимо холоднее. Из последних сил я нагребла кучу, свалила сверху остатки тряпок. И, завернувшись в шубу, легла на золу. Лучше я стану похожей на ведьму из моих детских сказок, чем замерзну во сне.

Проваливаясь в тяжелый, нервный сон, успела подумать, что надо было поесть... Но сил на то, чтобы встать, уже не осталось.

Глава 7

...Свет лился откуда-то сверху – голубовато-желтый, теплый, какой-то летний. И его лучи мягко обрисовывали фигуру сидящего рядом со мной мужчины. Высвечивали контур широких плеч, рельеф груди и ребер, ткань штанов и босые ноги. Обводили золотом голову и пряди темных волос, подчеркивали ровный нос, упрямый подбородок, чувственные губы и родимое пятнышко на щеке.

А вот глаза прятались за светом. И взгляд незнакомца – тоже.

Но я точно знала, что он меня рассматривает. Впрочем, на кого еще можно смотреть в моем собственном сне? А в том, что это сон, я совершенно не сомневалась. Ощущение было странным, я понимала, что происходящее нереально. И в то же время... это отличалось от обычных мутных сновидений. А незнакомец рядом казался до пугающего... живым!

Я так явно ощущала его тепло, его запах – легкий, свежий, пряно-мужской, его дыхание. И его пристальное внимание. Взгляд, скользящий по моему лицу, изучающий его пристально и остро, опускающийся ниже – на вырез грязного платья, на обнаженное плечо, на складки шубы до места, где меховые полы открывали колени. Тоже грязные, кстати. И сбитые. В ссадинах и синяках.

И всю эту красоту незнакомец с интересом рассматривал.

Не выдержав, я потянула ткань плаща, закрываясь. Столь пристальное внимание пробуждало внутри непонятное, тянущее чувство. Маетное и немного пугающее...

Мужчина тихо выдохнул. Воздух коснулся моего виска. Словно незнакомец действительно был совсем рядом. Словно он действительно был. И стоит лишь протянуть руку...

Руку протянул он. Очень медленно. В странном призрачном свете я четко рассмотрела крепкую ладонь с длинными пальцами и коротко обрезанными ногтями. У запястья темнели какие-то знаки, образуя рисунок-браслет. Кончики пальцев невесомо коснулись края моей шубы на груди. Словно хотели ее отодвинуть.

И мы оба застыли – я и незнакомец. Каждый с изумлением ждал действия другого. Нереальность происходящего смешивалось с запредельной живостью ощущений. И томление внутри усилилось, переходя в жар. Я увидела, как дернулось горло мужчины над краем черного обруча. И мельком подумала, что уже видела такое странное украшение. На одноглазом Бенгте... Зачем они носят такие кольца?

Какой удивительный сон...

Темная Дева снова явилась внезапно. Мгновение назад пещера пустовала. Он стоял спиной, когда ощутил легкое движение воздуха и новый запах, нитью скользнувший в устоявшемся мареве нижнего мира.

Повернулся рывком, но совершенно бесшумно, уже зная, что увидит. Вернее – кого.

И точно.

Темная Дева свернулась на мехах.

Подошел ближе, присел, рассматривая с удивлением. Каждый знает легенду о том, что воинов в нижнем мире ждет Темная Дева. Блудница и нечестная жена, охочая до наслаждений распутница, которую наказали перворожденные хёгги. Темная Дева не может покинуть промежуточный мир, так и остается в нем вечность, ублажая честных воинов. Каждого обязана обласкать и одарить своим телом.

Только вот ему Дева досталась какая-то странная.

Ну то, что темная – понятно. Грязь бесчинств и разврата въелась в ее кожу черной сажой. Одета блудница в рваное платье нареченной – вечное напоминание о ее позоре и предательстве. По подолу вьются узоры хёггов, чтобы вечность помнила о тех, кто ее наказал. Вот только дева не ждала воина в соблазнительной позе, а спала! Свернулась на меховом плаще и посапывала!

Он присел рядом, с холодным интересом рассматривая лицо, скрытое за завесой спутанных темных волос. На носу блудницы блестели странные круглые стеклышки, но что это такое, Рагнвальд не знал. Так что лица толком видно и не было.

Словно почувствовав чужой взгляд, блудница тихо засопела и проснулась. Моргнула, уставилась на него. И снова странность. Взгляд ее не сочился патокой, не завлекал. Скорее, он был удивленным, немного испуганным, а еще – любопытным. Так смотрят мелкие беззащитные зверьки, когда им протягиваешь кусок мяса.

Он тоже протянул – ладонь. Тронул край шубы, подвинул. Не то, чтобы сильно желал рассмотреть Темную Деву, да и о плотских утехах совсем не думал, но все знают, что от подарков перворожденных нельзя отказываться. У блудницы свое искупление, у него – свое. Откажется – и обоим будет плохо.

К тому же Дева оказалась юной. Можно сказать – повезло. Воины после кувшина вина иной раз смеялись, что тем, кто нагрешит в этом мире, за чертой хёгги пошлют беззубую старуху и придется принять такой дар!

А Рагнвальду вот повезло. Ему послали блудницу молодую, пусть и странную. На лицо он больше не смотрел, сосредоточившись на теле. Отвел края шубы, провел пальцем от шеи до высокого наверхия женской груди. Погладил медленно. Остановился. Собственное тело потяжелело против воли. Желание хлыстом огладило спину и жгутом свернулось в паху. Грудь у Темной Девы была налитая, высокая. Такая, что хотелось сжать ладонью, разодрать грязное платье, увидеть. Какого цвета ее наверхие?

От мыслей и ощущений перехватило горло.

Блудница не двигалась, лишь вздрогнула, когда он опустил руку ниже. Коснулся ее бедер, скрытых складками скользкого шелка, потянул наверх.

Губы пересохли. От вожделения – неожиданного, яркого и острого – закружилась голова. А поначалу ведь разозлился такому дару перворожденных... Хотел отказаться, мимо пройти... А сейчас...

Снова провел рукой – от плеча Девы до сжатых бедер – и, заведя ладонь за ее спину, дернул на себя. Блудница тихо охнула, словно от испуга. Словно и правда – он самый первый. Ее нежное, сочное тело дрожало, как будто Дева боялась.

Изогнувшись в его руках, соблазнительница повернула голову.

– Кто ты? – прошептала она.

И... исчезла.

Я очнулась.

Передернула плечами, протерла глаза. Сняла и снова надела очки – я заснула прямо в них. Сон, странный, пугающий, но в то же время возбуждающий –

слетел, и я изумленно села, осмысливая. Почему мне снова приснился незнакомец? Ильх, которого я никогда в жизни не видела, но чьи прикосновения все еще ощущаю на своем теле! Разве так бывает?

Нет, я, конечно, слышала о сновидениях, которые почти неотличимы от реальности, но сама ни разу подобного не испытывала! И вот сейчас, в этой жуткой пещере, смогла ощутить! Может, мой бедный уставший разум таким образом защищается от потрясения? Или воображение расшалилось, после того, как я насмотрелась на обнаженные торсы ильхов?

Я покраснела, вспомнив, как незнакомец во сне по-хозяйски, собственнически привлек меня к себе. Словно имел на это право! И на лице его было странное выражение, желание пополам с... недовольством? Точно! Какой все же странный сон!

Вздрагивая и качая головой, я еще раз протерла очки, тщетно надеясь, что трещина со стекла исчезнет. Вернула на нос. И несколько раз смачно чихнула. А потом и вовсе раскашлялась!

Кажется, пора выкинуть из головы всяких воображаемых ильхов и приняться за лечение. Сначала себя, а потом и дракона. Хёгг натужно дышал на прежнем месте.

Встала, растерла руки. Фыркнула, пытаюсь выбросить из головы странный сон и незнакомца. И с чего мне вообще снится тот, кого я в жизни не видела? Вот почему в мои сновидения не приходит Гудрет? Добрый, улыбающийся Гудрет, пахнущий булочками! Так нет же, ни разу не приснился! Зато стоит сомкнуть глаза – и рядом не пойми кто! Да еще и руки тянет, негодяй!

Чихнув снова, я побрела к выходу, чтобы справить нужду, а также забрать мешок с едой. Покосилась, пробираясь мимо, на хёгга. Чудовище лежало в той же позе, но пока дышало. С трудом, но дышало.

Выбравшись на заснеженную площадку, я сделал глубокий вдох. И замерла, пораженная открывшейся картиной. За ночь на утес навалило столько снега, что я провалилась по колено. Казалось, зима не подходит к концу, а в самом разгаре. Огромное красное солнце медленно выползло из-за гор, разукрашивая мир в розовый, оранжевый, золотой и багряный цвета. Вода лежала тихая и

почти неподвижная, скалы укутались прозрачной сизой дымкой, словно нареченные – пологом. А воздух – вкусный, холодный, чуть сдобренный ноткой соли и хвои – хотелось пить огромными глотками, впитывая в себя и это тяжелое северное море, и полосатое небо, и присыпанные снегом камни. Глотать хотелось торопливо, одергивая себя, чтобы растянуть удовольствие, как бывает с самым вкусным, самым сладким вином. И ощущать, как кружится голова, а тело наполняется необъяснимой радостной легкостью...

Фьорды... Пугающие и притягательные фьорды...

Потянувшись всем телом и прочувствовав каждую мышцу, я попрыгала на утесе, согреваясь. И заставила себя снять меховой плащ. Расстелила его на снегу, хорошенько выбила, пытаюсь избавиться от черной угольной пыли. Потом растерла снегом лицо и руки, рыча по-звериному от колючих льдинок. К сожалению, краска, которую мне нанесли перед наречением, оказалась особо стойкой, размазать я ее сумела, а вот стереть полностью – нет. На пальцах каждый раз оставался липкий смоляной след. Жутко хотелось искупаться, но, увы, пока об этом можно было лишь мечтать. В голове возникла лавандовая ванная комната из моего дома, белоснежные пушистые полотенца, стеклянная полочка, уставленная розовыми ароматными баночками... Но поморщившись, я выкинула этот образ из головы. Какой смысл себя изводить? Дом остался в другом мире, за непроходимой пеленой Тумана. И я больше никогда туда не вернусь. Сожаление и страх кольнули сердце. Решение сбежать было непростым, но сделанного не вернешь.

Теперь я здесь, на фьордах.

Посмотрела на темный лаз в пещеру. И фыркнула. Пленница, заключенная в пещере с чудовищем!

Ничего, я что-нибудь придумаю и выберусь отсюда! Обязательно!

Расплела грязные, черные от сажи и грязи волосы, морщась, расчесала их пальцами. Туго заплела пряди, стараясь не думать о том, что у меня сейчас на голове. И что занимательного мог увидеть незнакомец из сна в таком чучеле, присыпанном золой? Впрочем, он ведь лишь плод моего воображения и расшалившихся желаний!

Поприседав и помахав руками и ногами, чтобы согреться, я снова завернулась в мех, а потом вытащила мешок с продовольствием. Сыр от холода задубел, а лепешка засохла. Но я старательно пережевала и то, и другое, зажевала иголками с ели и почистила зубы все тем же снегом.

– Даже в самой непредсказуемой ситуации женщина из рода Вилсон должна оставаться благородной дамой, быть опрятной и ухоженной, – передразнивая любимую фразу одной из тетушек, проворчала я. И посмотрела на свои руки с траурной каемкой под обломанными ногтями. Без горячей воды и мыла избавиться от золы на всех частях моего тела оказалось просто невозможно. – Боюсь, бабуля, ты никогда не ночевала в куче золы наедине с драконом! Благородство сдалось под гнетом обстоятельств. И угольной крошки! – хмыкнула я почти весело.

В конце концов, я все еще жива, цела и здорова, так что ни к чему унывать!

Вернув на место под камнем остатки продовольствия, я решила исследовать утес. В поперечнике он составлял около пятидесяти шагов, с боков площадку подпирали скалы, кое-где поросшие мхом, какими-то синими ягодами, которые я не рискнула пробовать, и молодыми сосенками. На одной из них я и заметила птицу. Она сидела так неподвижно, что почти сливалась с пейзажем и заснеженной скалой. И лишь когда голова с круглыми глазами слегка повернулась, я удивленно уставилась на огромную сову. Удивительная птица была значительно крупнее обычной совы, белое оперение с редкими черными пестринками делало ее практически незаметной. У нее были круглые и странно разумные глаза, маленький загнутый клюв и мощные косматые лапы, легко удерживающие птицу на ветке.

Я сделала осторожный шаг в сторону, и совиная голова повернулась, как на шарнирах, следя за мной.

Но стоило подойти ближе, и белые крылья легко подняли хищницу в воздух, и сова скрылась за скалой. Я со вздохом посмотрела ей вслед. Хотела бы и я иметь крылья!

И кинув еще один взгляд на рассветные фьорды, вернулась в пещеру.

Хёгг так и не двинулся со своего места. Но когда я бочком втиснулась в наше совместное пристанище, его крылья трепыхнулись, а пасть приоткрылась. Я потопталась на месте, размышляя. Означает ли это, что чудовище желает перекусить? Надеюсь, не мною...

Впрочем, обессиливший монстр больше не двигался. Глаза его были затянуты пленкой, вокруг них образовались какие-то сухие наросты. Похоже, хёгг просто не мог видеть... Он теперь такой же слепой, как и я без своих очков.

Предательской жалости внутри стало больше.

– В меню пока только снег с лекарствами, – тихо сказала я. – Надо было есть вкусного барашка, а не размазывать его по полу.

Подхватив железный ящик, я собрала снега и повторила вчерашнюю процедуру. Сунуть посудину в сугроб, зачерпнуть побольше, добавить антибиотиков и общеукрепляющих снадобий, высыпать холодные комки в приоткрытую пасть. На всякий случай отпрыгнуть. Посмотреть на вяло дергающийся хвост. И – заново. Не знаю, был ли в том, что я делаю, хоть какой-нибудь смысл, но дракон все еще дышал.

От работы я согрелась настолько, что даже сняла меха. И после очередной порции странного лекарства, отправленного в пасть дракона, привалилась к стене, чтобы отдохнуть.

Чудовище мелко вздрагивало и втягивало воздух. Засохшая корка на веках не позволяла ему видеть и, сжав зубы, я снова притащила посудину со снегом, поставив на тлеющие угли, чтобы растопить. Щурясь, как слепая мышь, в очередной раз просмотрела уцелевшие склянки и пузырьки и обрадовалась, разобрав на бутылки названия трав. О том, что я собираюсь делать, старалась не думать. Возможно, я совершаю глупость и лучше не подходить лишний раз к хёггу. Но его глаза не давали мне покоя. Всю жизнь страдая от плохого зрения, я как никто понимала желание видеть. И отчаянное бессилие от осознания, что это недоступно.

На моих очках одно стекло пришло в негодность, так что смотрела я через оставшееся и пыталась отогнать ужасающую меня мысль о грядущей слепоте.

Что я стану делать, если и второй окуляр разобьется? Я ведь буду совершенно беспомощна! А мне еще надо добраться до Варисфольда...

Прикусила щеку до боли, чтобы прогнать жуткие мысли.

– Я не сдамся. Я справлюсь, – прошептала себе под нос.

И снова посмотрела на затянутые коркой глаза хёгга. А потом решительно вытащила пробку из склянки.

– Глупая жалостливая Энни, – проворчала я, смешивая теплую воду с настоем трав.

Отставила посудину и осмотрелась. Хёгг лежал неподвижно, но чтобы добраться до его глаз мне понадобится опора. Пыхтя, я подтащила к драконьей голове несколько ящиков, поставила один на другой. С сомнением осмотрела конструкцию. И полезла вверх, прижимая к себе разведенный настой и тряпку, оторванную от моего же платья.

Ящики подо мной скрипнули, но устояли. А драконья макушка оказалась на расстоянии вытянутой руки! Сглотнув ком в горле, я смочила лоскут и приложила его к левому веку хёгга. Чудовище не шелохнулось. И уже смелее я снова смочила тряпку и попыталась протереть драконий глаз. Повторить процедуру пришлось несколько раз, но когда веки освободились от корок, я с гордостью осмотрела свою работу.

– Вот, теперь неуклюжую Энни можно назвать спасительницей драконов! – пробормотала я. – А что, неплохое звание, да? Точно лучше чем «семейное посмешище» или «Ошибка Вильсон»!

И лишь сейчас увидела, что мутная пленка поднялась, а хёгг смотрит на меня. У него были пугающие радужки желто-серого цвета и узкие кошачьи зрачки. А взгляд внимательный, пристальный. Я неловко переступила ногами, и голова дракона переместилась, чтобы не упустить меня из вида.

Моя шаткая опора дрогнула, и я вместе со всеми ящиками грохнулась вниз, болезненно приземлившись на земляной пол! Взыв, вскочила, шарахнулась в

сторону. Драконье крыло дернулось, загораживая мне выход.

Я похолодела. Вот так и лечи это чудовище!

Отступила в темноту пещеры. Медленно и неповоротливо хёгг тоже развернулся. Открыл пасть. И зарычал!

Я кубарем отлетела, спряталась за ящиками, пытаюсь успокоить хриплое дыхание. Хёгг тяжело топал где-то у лаза, ударялся о стены шипастый хвост. И снова рык! Я присела, закрыла уши ладонями. Железный ящик со звоном ударился в стену. Что не нравится этому чудовищу?

– Я пытаюсь тебя лечить! – крикнула я. – Прекрати все ломать!

В ответ своды пещеры дрогнули от рычания. Эхо ударило по ушам, и я забилась в угол, трясаясь от страха. Боги! Да этот монстр меня просто сожрет! На что я надеялась? Очнулась зверюга и теперь ищет чем закусить! И зачем я его пожалела?

Железный ящик, за которым я спряталась, отлетел в сторону. Голова дракона возникла совсем рядом, и, взвизгнув, я поползла вдоль стены, не в силах даже вскочить. Ладонь попала на острый уголок и взвыла я уже в голос. Дракон ответил рыком, от которого, кажется, сотряслись стены. А ведь с утра еще прикидывалсядохлым! Змеюка!

Доползти до укрытия я не смогла, путь прекратила когтистая лапа. И снова совсем рядом возникла драконья башка. Я зажмурилась, ощущая на лице дыхание чудовища. От ужаса волосы на голове встали дыбом, а вдоль хребта скатилась холодная капля пота. И стало обидно, что меня вот так бесславно и прозаично сожрут. Ни тебе свадьбы, Энни, ни тебе дома у моря, ни булочек на завтрак. Пасть драконья и его же утроба – вот твоя судьба!

От понимания, что терять все равно нечего – куда бежать-то? – я оттолкнула ладонями горячий драконий нос, лихорадочно втягивающий воздух рядом со мной.

– Пошел вон! Кыш! Место!

Хёгг рыкнул. И слегка отодвинулся. Я привалилась к стене, дрожащей рукой вытирая со лба испарину. Чудовище не двигалось. Во тьме пещеры я уже не видела его глаз, но была уверена, что смотрит дракон на меня. Правда, попыток мною закусить он пока не делал.

А потом хёгг нервно ударил хвостом и тяжело опустился на пол. Замер.

– Устал, верно, пугать несчастную переселенку, – сердито прошептала я, чтобы хоть как-то взбодриться. Вот только что делать дальше? Чудовище загородило мне проход и чтобы пробраться к выходу, нужно перелезть через чешуйчатый и шипастый хвост! Да меня же удар хватит, как любила выражаться тетушка Хло!

Я замерла на месте, слепо таращась во тьму. Очертание драконьей туши угадывалось смутным силуэтом. Хёгг тоже замер, лишь его сиплое дыхание указывало, что чудовище живо. Не знаю, сколько я так просидела, но скоро начало урчать в животе, напоминая о простых человеческих радостях, таких, как еда и вода.

Дрожа и сжимая зубы, чтобы не взвизгнуть, я подкралась к хёггу. Постояла, напряженно всматриваясь и пытаюсь понять степень угрозы. Но дракон не шевелился. Может, устал и уснул? Кстати, надо поискать в ящиках снотворное, а то мало ли... и почему эта дельная мысль не пришла мне в голову раньше?

Драконий хвост перегородил выход, и, отчаянно выдохнув, я перевалилась через него, примерившись между двумя шипами высотой с копье. Руки ощутили гладкость и нездоровую горячность сухой чешуи. Жирный налет сажи остался на ладонях. Но чудовище так и не двинулось с места, даже когда я по своей неуклюжести врезала по шипу ногой. Хотя, возможно, хёгг в своей бронированной шкуре этого даже не заметил.

Я вылетела из пещеры и присела, судорожно дыша. Вытерла лицо и руки снегом, сунула ледышку в рот.

– Ненавижу драконов, – устало пробормотала себе под нос, успокаиваясь.

Сидеть долго не стала – снаружи оказалось холодно. Вытащила из мешка сухую полоску мяса и остаток лепешки, прожевала. И нехотя вернулась в пещеру, уже спокойнее перебравшись через хвост хёгга.

Куча углей почти перестала давать свет и тепло, поэтому я разворошила ее палкой. И обрадовалась, увидев красные искорки, пробегающие по разгорающейся золе. У этой странной черной кучи было чудесное качество – угли не гасли окончательно, а словно засыпали. Но стоило их хорошенько встряхнуть, снова начинали тлеть, отдавая мягкий жар.

Хёгг заворочался возле лаза, и я нахмурилась. Бенгт сказал, что первое средство для этого чудовища – жар. Но дракон отполз слишком далеко от кучи углей, а перетаскать эту огромную кучу я просто физически не смогу! Как и загнать зверюгу обратно на жаркую подстилку. Подумав, махнула рукой. Может, дракон сам переползет, когда замерзнет? Разворошу угли, возможно, это приманит зверя!

Ткнула палкой в черную кучу, подергала. В провале среди красных искорок мелькнул желтый проблеск, и я с изумлением вытащила... корону! Самую настоящую! Красноватого света теперь хватало, чтобы рассмотреть и изумительное литье, и варварскую роскошь моей находки.

– Девять золотых пластин, куча бриллиантов, жемчуг и центральный сапфир размером с кулак, – блеснула я познаниями в ювелирном искусстве. – Стоит невероятных денег, валяется в куче углей, на которой спит дракон. Это фьорды, Энни.

За короной на свет явился драгоценный пояс из золотых колец, несколько кубков, также украшенных рубинами и жемчугом, огромное тусклое блюдо и нож с изящной костяной ручкой. Последнему я обрадовалась особенно!

Покосившись на неподвижного зверя, подумала и надела корону на голову.

Хёгг не шевельнулся.

– Знаешь, а в сказках драконы непременно просыпаются, стоит покуситься на их сокровища! – разочарованно протянула я. Ладно, значит, этот план по заманиванию хёгга на угли не сработал.

Я сползла с кучи и уселась, прислонившись спиной к железному ящику. Корона оказалась ужасно тяжелой, и я, развлекая себя, произнесла:

– Мое Императорское Величество Эннис Великолепная требует подать булочек с корицей и чашечку ароматного чая! Да, и не забудьте шоколадный крем! Немедленно!

Фыркнула от смеха, привычно представив недовольное лицо бабушки и тетушек. Они каждый раз кривились, стоило мне начать дурачиться. Мол, не к лицу такая смешливость умной и образованной девушке. А мне вот кажется, что смех – лучшее средство от хандры и прекрасный способ пережить неприятности!

Стянула свои сапоги и начала набивать носки лоскутами. А то каждый раз, делая шаг, я рискую потерять обувку. А в снегу и вовсе приходится придерживать голенища руками!

Справившись, потерла грязные ладони, размышляя, чем еще заняться. Сидеть в пещере без дела, оказывается, довольно скучно.

– Далеко-далеко, за Великим Туманом, в краю снега, воды и лесов, на высокой скале, жила девочка Энни. И был у нее дракон...

Крылья хёгга шевельнулись, змеиные глаза открылись.

– Ладно, дракон был не совсем ее, – торопливо поправила я. – Скорее, он был сам по себе. Огромный и страшный зверь, который жил на ледяной скале. И Энни очень его боялась, потому что дракон мог сожрать девочку и даже не заметить...

Хёгг моргнул. То ли я сошла с ума, то ли зверь действительно меня слушал.

– И, наверное, он и правда сожрал бы, но однажды дракон заболел неизвестной болезнью. И только Энни оказалась рядом. Испуганная Энни, которая ничего не знала о драконах... Но которая очень хотела, чтобы дракон выжил.

Я зевнула, хёгг снова моргнул и закрыл глаза. Крыло накрыло голову. Похоже, хёгг уснул. Я улыбнулась. Если выберусь отсюда, может, податься в драконьи сказительницы? А что, буду путешествовать по фьордам и рассказывать сказки о хёггах. И о девочке Энни! Вдруг у меня получится?

Тихо рассмеявшись своим фантазиям, я решила, что хватит бездельничать, и пошла к ящикам, чтобы собрать все оставшиеся пузырьки и как следует их рассмотреть.

Через пару часов, когда свет из лаза потускнел и окрасился оранжевым закатным цветом, я доела оставшуюся лепешку и с гордостью осмотрела результаты своих трудов. Теперь все пузырьки и склянки разместились в разных ящиках. В первом – лекарства, которые я знала и которые собиралась давать хёггу, во втором – неизвестные или сомнительные. Несколько раз дракон вздрагивал и открывал глаза, когда я проходила мимо. И на всякий случай я тут же отбегала подальше. Но чудовище лишь провожало меня мутным взглядом, и снова то ли засыпало, то ли впадало в беспамятство.

Ночью я попыталась снова накормить хёгга лечебным снегом. Глотал дракон вяло, хрипло дышал и сопел, но мне удалось запихнуть в его пасть несколько ящиков своего странного снадобья. О том, что вода однажды должна выйти из этого существа, я старалась вовсе не думать.

Спать я устроилась у дальней стены, закутавшись в мех и прогоняя жалость к себе. Стянула очки и, зажмурившись, стала вспоминать милого Гудрета. Вот только почему-то коварная память упрямо не желала рисовать полюбившийся образ, а настойчиво подсовывала воспоминания о моем странном сне. И вместо румяного круглолицего Гудрета я видела острые скулы, четкую линию губ и подбородка, острый и злой взгляд незнакомца. А еще широкие плечи и руки с рельефом каменных мышц, обнаженный загорелый торс, покрытый устрашающими кровавыми рисунками, плоские кубики на животе...

Я отчаянно помотала головой, изо всех сил прогоняя этот образ. Нет, это просто невыносимо! И я даже не знаю, что хуже – находиться здесь, в холодной пещере рядом с хёггом, или в своем сне – стыдном, но таком притягательном.

– Пусть мне приснится Гудрет, – шепотом взмолилась я, пытаюсь уснуть.

Глава 9

...Уже знакомый желто-голубой свет мягко струился со всех сторон. словно каменные стены и потолок изгрызли мыши, превратив своды в решето. И именно этот нереальный свет совершенно определенно говорил о том, что я снова сплю.

Ну и еще то, что в моем странном сне я видела даже без очков.

Я приподнялась и осмотрелась. И тут же увидела мужчину, замершего неподалеку. Он сидел возле стены и вскинул голову, когда я растерянно поднялась. Жесткие губы чуть дрогнули от усмешки. Незнакомец встал и пошел ко мне. Мягко, неторопливо и как-то... неотвратно. Сердце заволошно забилося о ребра, захотелось вскочить, спрятаться, убежать... Или остаться? Я не понимала. От ильха исходили такие ощутимые волны сдерживаемой мощи, что меня, непривыкшую к мужскому обществу, это сбивало с ног. Варвар был создан для боя – гибкий, сильный, быстрый. Бесшумный, как зверь, и такой же осторожный. Но лишь до нападения. Потому что стоит ильху напасть – и пощады не будет... Я ощущала это всеми своими инстинктами, долгое время дремавшими под гнетом цивилизованности. «Опасность, спасайся!» – теперь кричали они.

Я неуверенно переступила ногами и удивленно моргнула, когда ильх в два шага оказался рядом. Неторопливо обошел меня по кругу, разглядывая. Удивительные, чуть удлинённые глаза со светлыми радужками и расширенными темными зрачками смотрели внимательно и остро. И меня кольнуло непониманием. Разве мужчина из моей фантазии не должен смотреть с обожанием? Какой там! Варвар разглядывал меня с ленивым интересом, словно я была лишь забавным недоразумением, которое внезапно на него свалилось, и он пытался решить, что со мной делать!

И словно определившись, он приподнял кончик моей косы, потрогал. Погладил прядь пальцами. В движениях ильха не было напора, скорее – любопытство. Он и правда рассматривал меня, словно безделушку, подаренную важным гостем, но совершенно неуместную. Вроде и блестящая, а вроде и ставить некуда... Из-за этого бесцеремонного взгляда я хотела было возмутиться, но... не стала. В конце концов, это лишь сон, верно? А во сне можно даже то, что обычно нельзя! То, что в реальности просто невозможно! Ну вот, например, поднять руку и потрогать гладкие загорелые плечи ильха.

И не успев как следует осмыслить столь кощунственную мысль, я ее осуществила! На ощупь тело ильха казалось горячим камнем, завернутым в кожу. При этом я чувствовала стук сердца, бьющегося под моими пальцами, когда касалась груди варвара. И еще это был первый мужчина, которого я так бессовестно рассматривала и даже ощупывала! Но это сон. Просто сон, Энни!

Однако тело под моими руками ощущалась невероятно реальным и живым. Незнакомец замер, уголки его губ дрогнули в насмешке. Он не двигался, лишь склонил голову, позволяя мне его исследовать. Отбросив сомнения и робость, я провела ладонью по груди ильха, обрисовала плечи. Сильный какой... с возрастающим восторгом сжала предплечье, и варвар поднял темные брови. И улыбнулся – приглашающе. Ильх смотрел так, словно ожидал от меня чего-то...

На правом предплечье ильха тускло блестел широкий железный браслет – варварское и странное украшение. От железного края я спустилась по руке ильха, скользя пальцами по выпуклым венам. Мужчина поморщился, похоже, ему было щекотно. Но не отодвинулся. Я добралась до крепкого запястья, потянула на себя. Ощупала костяшки кисти, рассмотрела пальцы. Ильх глядел удивленно, но стоял смирно, позволяя мне шалость.

Да и что ему оставалось? Это ведь мой сон!

От рук я перешла к спине ильха. В конце концов, где еще можно дать волю своим фантазиям, если не в самой... фантазии? Я обошла незнакомца и провела обеими ладонями от шеи с черным обручем до поясицы. И ниже – туда, где виднелись две ямочки с обеих сторон позвоночника. Ильх сипло выдохнул. Я, увлеченная, с наслаждением и все возрастающим интересом ощупала лопатки, пробежалась пальцами по хребту, погладила боковые мышцы. Трогать мужское тело оказалось невероятно приятно! Конечно, я ни за что в жизни не решилась бы на подобное в реальности! Да и не было в моей реальности подобных мужчин. Таких – состоящих из мышц, сухожилий, опасности и сдерживаемой агрессии. В мире цивилизованной Конфедерации я ни разу не встречала таких субъектов. И если мне и довелось бы такого увидеть, то вероятнее всего я залилась бы стыдливой краской, сто раз вспомнив про свою неуклюжесть и очки, сжалась бы, опустила голову и затряслась от ужаса.

И зная это, сейчас я с удвоенным энтузиазмом исследовала неизведанное. И самое ужасное – получала от этого огромное удовольствие! К тому же, ильх молча позволял мне делать все, что я хочу.

Сзади на шею и спину варвара падала грива черных косичек, в которые были заплетены его волосы. В них болтались железные колечки и бусины, и я весело подумала, что тоже хочу себе подобные украшения!

Снова обойдя мужчину, я вернулась к осмотру передней его части. В насмешливые глаза с расширенными зрачками я старалась не смотреть, все же даже во сне это было для меня слишком! Но всей кожей ощущала взгляд незнакомца. Он тоже меня изучал, пока лишь глазами.

Пальцами я обрисовала рисунки на груди варвара. Хёгги... Багровые и черные хёгги. И кажется, выведены кровью и пеплом. Шальная мысль вскружила голову, и я наклонилась, лизнула кожу ильха между двумя рисунками. Сверху донесся хриплый выдох. Облизала губы – соленые. Самую малость, но вкус остался... и хотелось повторить. Я и повторила! Осторожно провела языком под ключицей варвара, смакуя вкус горячей гладкой кожи. Мужчина тихо зашипел и вдруг рывком запустил ладонь мне в волосы, сжал, потянул. Я откинула голову и все же посмотрела ему в лицо. Губы варвара были крепко сжаты. И дико, почти невыносимо захотелось коснуться языком и их.

Незнакомец снова тяжело вздохнул и тоже посмотрел на мои губы. Вероятно, потому что я их приоткрыла... и снова в глаза. Насмешка все еще светила в их глубине, но там же теперь плескался жар. Горячее, обжигающее пламя... И еще там было обещание – спокойное, уверенное, совершенно бескомпромиссное обещание, что он больше не разожмет ладонь. Так и будет держать за волосы... Или это угроза? Только мне совсем не страшно...

Я ахнула, вдруг слишком остро ощутив и горячее мужское тело, и взгляд, и силу. Сон? Разве сон может быть таким?

Подняла руку и осторожно провела пальцами по сжатым губам ильха. А потом коснулась своих. Ильх проследил это движение, и темные брови мужчины сдвинулись, образуя морщинку на переносице. Склонился надо мной. А я улыбнулась и, подавшись вперед, коснулась губами его губ. Прижалась на миг. И удивилась снова, потому что ильх даже не подумал мне ответить или хотя бы обрадоваться. Напротив, отклонился, глянул хмуро.

– Что это за игра, блудница? – негромко произнес мужчина.

И меня поразил его голос – чуть хриплый, уверенный, совершенно реальный. Блудница? Нет, все-таки, это очень странный сон. Слишком странный!

– Но я не... – начала говорить и... снова проснулась.

И взвизгнула, увидев совсем рядом драконью морду! Пока я пребывала в блаженной неге забытья, змеюка подползла ближе и теперь недовольно дышала мне в лицо! Ужас какой! Я нацепила свои очки и вздохнула.

Конечно, не было никакого желто-голубого света и никакого незнакомца. Лишь куча почти угасших углей и гадкий хёгг, настойчиво меня обнюхивающий!

– Тебе чего? – ошалело выдохнула я, глядя на чешуйки вокруг выпуклых звериных ноздрей. В тусклом свете удалось рассмотреть, что они были крохотные, с ноготок, и это казалось совершенно невероятным!

Хёгг засопел, меня обдало сухим воздухом, а потом зверюга приоткрыла пасть, показав серый язык и ряд устрашающих клыков! Он что, собирается меня... лизнуть? Попробовать, достаточно ли я прожарилась на этих углях? Не выдержав, я вскочила, отпрыгнула в сторону и понеслась к выходу. Дракон недовольно зарычал и развернулся, преграждая мне путь. И снова опустил морду, словно пытался рассмотреть внимательнее!

– Отстань от меня! – в отчаянии рявкнула я. – Что тебе от меня надо? Пошел вон!

В ответ меня окатило рыком и липкой слюной хёгга. Гадость-то какая! Как будто я еще недостаточно грязная!

И пока я пыталась придумать, как выбраться, возле входа раздался голос Бенгта.

– Живой! Хёгг живой! Я знал, что выкарабкается, знал! Не по зубам пеклу воины Карнохельма! Не по зубам!

Заслышав мужской голос, дракон зарычал и отполз в глубину пещеры, прижался к стене, словно собирался врасти в камень.

Я вздохнула с облегчением и сердито пригладила волосы. Хотела бы я сказать, что думаю об этих воинах... чудовища!

– Эй, врачевательница, ты цела?

– Очень приятно, что поинтересовался, – прошипела я, перебираясь через нагромождение углей и всяческого золотого мусора. А оказавшись у лаза, отдернула платье и выпрямилась. Бенгт прищурил свой единственный глаз, когда я вылезла из полумрака. Уголки его губ дрогнули. Похоже, выглядела я занимательно.

– Что смешного? – буркнула я. В конце концов, минуту назад я в очередной раз почти распрощалась с жизнью, а трупам позволительно некое безрассудство.

– Слыхал, что девы из-за тумана отличаются от наших, да не верил! Тебя сейчас и сама бездна испугается!

Я не ответила, а Бенгт всмотрелся в очертания хёгга и покачал сокрушенно головой.

– Вижу, твое лечение помогает, чужанская дева. Это хорошо, это значит, жить будешь. Вот только то, что хёгг выбрался из углей – плохо. Придется снова развести пламя. Оно тлеет да не гаснет, не переживай. Разворошу, наложу новых дров, и вспыхнет огонь с лютой силой! То, что надо для Рагнвальда!

Дракон дернул крыльями и с угрожающим шипением отполз в дальний угол. Он словно пытался оказаться как можно дальше, спрятаться...

– погоди, погоди, сейчас согреешься! – добродушно пообещал Бенгт. – Не дело черному хёггу без жара пламени, плохо без него... Знаю, как плохо! Ничего, отогреешься, может, и вернуться в тело человека получится, погоди...

Приговаривая, Бенгт растворился во мраке пещеры, и уже через миг куча углей рассыпала красные искры. И тут же хёгг взвыл и с силой ударился в стену пещеры. Словно пытался ее пробить.

– Потерпи, потерпи, дружище, сейчас я огонь разбужу... Сейчас... Да не буянь ты так!

Искры стало больше, вспыхнул огонек. И побежал весело по углям.

Крылья чудовища ударились о камни и повисли линиями безжизненными тряпками.

– Стой! – вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать или даже осознать свой порыв.

Бенгт не обратил внимания, и я бросилась к разгорающемуся пламени, схватила свой ящик с остатками подтаявшего снега и опрокинула его в костер.

Огонек удивленно зашипел и затих, лишь угли продолжали посверкивать красным.

– Ты что же это творишь, глупая дева? – неверяще протянул Бенгт. Выпрямился во весь свой двухметровый рост, но я не впечатлилась. После салочек с драконом уже трудно впечатлиться даже таким размером!

– Я не глупая дева! – поправила на носу свои треснувшие очки и уперла руки в бока. – Меня зовут Эннис Вилсон! Я жительница Конфедерации! И я запрещаю разводить огонь!

– Да ты сдурела, дева. Без жара хёгг сдохнет уже к утру, – почти ласково отозвался Бенгт.

Я прикусила язык. А что, если он прав? Что заставляет меня хмуриться, глядя на разгорающийся огонек? Может, тоскливый вой хёгга? Но что я знаю об этом чудовище? Кроме того, что его не существует...

Бенгт отодвинул меня плечом – несильно, но я чуть не свалилась. И оттого разозлилась уже по-настоящему.

Ильх снова повернулся к куче углей.

– Займись лучше мясом, дева, – небрежно махнул рукой варвар. – Тушу я оставил у входа...

Злость, щедро одобренная пережитым страхом и усталостью, оскалилась внутри меня.

– Я не кухарка, я искусствовед! – огрызнулась сердито. – Ну, помимо того, что врачевательница. И знаешь что, ильх? Хочешь, чтобы этот зверь жил – не мешай мне лечить его! И не разжигай огонь! А вот от обеда не откажусь ни я, ни хёгг. Горячего обеда! И мясо я люблю хорошо прожаренное, но не сухое, ясно? И еще мне нужны свечи, теплые одеяла, обувь и книги! Есть в вашей дыре книги? Нет, так найди, ильх!

Бенгт выпрямился, обернулся. На миг показалось – свернет шею зарвавшейся чужачке, а после сожжет на том самом хёгговом огне! И явно именно это он и хотел сделать! На меня злобно уставился единственный глаз варвара. Но я стояла, не шелохнувшись, выпятив подбородок и пытаюсь не моргать. Хватит меня пугать!

– А ты совсем не проста, чужанская дева, – протянул наконец ильх, усмехнувшись. Глянул задумчиво. – С виду кроткая и мягкая, а внутри – скала и огонь! Язык только слишком прыткий, укоротить бы не мешало! Но до твоего прихода хёгг и вовсе не показывался. Так что я, пожалуй, не сброшу тебя со скалы прямо сейчас. Подожду. А если Рагнвальд придет в себя, даже забуду про твою дерзость и подарю сундук с дарами. И сделаю вид, что риар Карнохельма дерзости не слышал. Цени, чужачка! Хотя никому и никогда я не прощал дерзких слов.

Усмехнулся в бороду, качнул головой.

– Какие книги тебе нужны, врачевательница?

– О хёггах, – выпалила я.

– Таких бумаг на фьордах не держат. Писать о хёггах в книгах – дурной знак. Можно беду накликать. Но я могу тебе рассказать. Идем. Приготовлю тебе мясо, пока есть время.

Оглянувшись на замерший у стены силуэт дракона, Бенгт пошел к выходу.

– Но не забывай, что будет, если Рагнвальд не выживет. Я словами не разбрасываюсь, сделаю, как сказал.

– Сто раз уже слышала, – буркнула я себе под нос.

Бенгт покачал головой, с высоты глядя на меня, усмехнулся снова.

– Чудная ты, дева. Вроде, дерзишь и злишь, а злобы на тебя и нет... посмотришь в твои глаза – и весело становится!

И фыркнув в подтверждение своих слов, вышел из пещеры. Эмоции отступили, и я поплелась за варваром, уже ругая себя за этот странный порыв. Что, если ошиблась, не позволив развести жар? Что, если...

Тряхнула головой – поздно отступать.

Снаружи обнаружилась очередная тушка, к счастью, уже освежеванная.

Под сосной Бенгт споро сложил дрова, ловко установил треногой палки и повесил над углями куски мяса. Я в это время почти привычно «умылась» снегом, притащила золотое блюдо и кубки, на которые Бенгт глянул искоса, а потом закуталась в мех и, присев на край поваленного дерева, приготовилась слушать.

...Черный зверь Лагерхёгг рожден был от железа и камня, в яйце золотом. Сила его велика и в скалах, и в небе, отзывается ему буря и грозовое ненастье. Черный хёгг – властитель небес и гор, и зов его родит самых сильных воинов и выносливых дев.

Белый зверь Ульхёгг родился от союза льда и сияния, в алмазном яйце. Глаза его видят сквозь толщу льда, отзываются ему хрусталь вершин, снега и ветра севера. А от зова Ульхёгга появляются люди, не боящиеся холода и плавящие стекло, что крепче алмаза.

Серый зверь Ньордхёгг вышел из пучины морской, и яйцо его там навеки осталось. Оттого водному хёггу легче жить в море. Хёгг этот вольный, и зов его слаб, оттого дети Ньордхёгга суше предпочитают свободные просторы водной глади.

Яйцо красного зверя Хелльхёгга треснуло в лаве и огне. Пробудился он злым и коварным, потому что жжет горящий уголь его шкуру от начала времен. И ярость этого зверя страшна, боятся ее люди от северного предела до южного острова. Ибо каждый ребенок фьордов знает: проснется красный зверь, издаст рев, и придет смерть. Потому что отзывается на зов красного хёгга Огненный Горлохум...

– Чтобы слиться со зверем, юный ильх должен надеть кольцо Горлохума, – сказал Бенгт, коснувшись своего черного обруча на шее. – Это дар людям от перворожденных хёггов. Кольцо позволяет увидеть незримый мир, мир духов. Сила кольца Горлохума велика, дева. Но и тяжесть его запредельна. Не все, кто слился со зверем, выжили. Не все сохранили разум. Часто зверь сильнее человека и берет вверх, несмотря на обруч, – варвар бросил быстрый взгляд на черный лаз в пещеру. Звуки изнутри не доносились, и я боялась думать о том, жив ли еще хёгг.

– Это случилось с Рагнвальдом? Хёгг оказался сильнее?

Бенгт надолго замолчал. Я его не торопила, позволяя самому решать, что мне говорить, а что нет. Какое-то время мы сидели молча, глядя на тлеющие угли. Бенгт снял мясо, бухнул на протянутое мною блюдо. И мельком я подумала, как это, наверное, смешно. Сидим возле костра – варвар и чумазая Энни, вся в саже, зато едим с золота! Надо было захватить корону для полноты картины! Я фыркнула себе под нос и взяла свой обед, обжигая пальцы и стараясь не думать о гигиене. Ильх вытащил из мешка кожаный бурдюк, щедро влил себе в рот. На меня глянул с сомнением, словно раздумывая, стоит ли поить чужанскую деву. Потом все же плеснул остро пахнущее пойло в мой золотой кубок – на самое донышко.

– Осторожно, дева, этот хмель злой, но и согревает отменно.

Сам снова выпил залпом, крикнул. Я же лишь понюхала, но от дегустации решила воздержаться. Мне нужна ясная голова.

– Нашего отца звали Саврон. Он был справедливым и сильным воином, а его черный хёгг – могучим зверем. А еще Саврон слыл любвеобильным и щедрым. – Бенгт усмехнулся в усы и устался в костер. Взгляд стал отсутствующим, словно варвар забыл о слушательнице. – Он правил Карнохельмом твердой рукой

и железной волей. Девы любили Саврона, сами приходили к нему с юга и севера, зная, что риар Карнохельма щедр на золото, украшения и ткани. Ни одну деву он не обидел, каждую одарил. Я стал его первенцем, а в свою девятую весну надел кольцо Горлохума и поймал душу черного хёгга.

Карнохельм процветал много лет, я успел вырасти и стать воином. Два черных хёгга и два морских – наши с отцом побратимы – это немалая сила, чужачка. Отец стал старше, но не утратил своей притягательности для дев. У него родилось много детей, из них десятков сыновей. Вот только... Надеть кольцо Горлохума никто из них так и не сумел. И каждый погиб, не достигнув двенадцати зим, сражаясь в незримом мире за душу хёгга.

Единственный глаз Бенгта затуманился, то ли от воспоминаний, то ли от хмельного поила. Я слушала молча, хотя от живо встающих перед глазами образов озноб пробегал по коже.

– Последней отрадой отца была прекрасная Аста, крылатая дева, вёльда – как говорят на фьордах. Она сама пришла к риару, пожелав понести от него дитя. Отец согласился. И полюбил Асту всей душой. Так полюбил, что до самой смерти не смотрел на других дев – невиданное для риара дело! У них родился Рагнвальд. А когда ему исполнилось восемь, он, как и многие братья до него, явился к риару и потребовал кольцо Горлохума.

Я зябко потерла ладони и все же сделала глоток хмеля. Он обжег гортань, в голове зашумело.

– Ваш отец ему отказал, ведь так?

– Верно, чужачка, – горестно вздохнул Бенгт. – Отец был уже немолод и не хотел терять сына любимой Асты. Не только отказал, но и взял с Рагнвальда клятву, что тот не станет и пытаться поймать душу зверя. Отец нарушил закон перворожденных, главный закон фьордов. Риар не смеет отказать вольнорожденному ильху в праве надеть кольцо Горлохума. Не смеет! Старейшины шептались, что грядет беда. Прорицательницы видели дурные знаки небес и земли. И оказались правы. Ночь спустя на Карнохельм опустилась стая диких хёггов. Даже один зверь – могучая сила, а этих было больше, чем пальцев на моих руках! Огромная, хищная, беспощадная стая! Отец, его побратим и Аста погибли в том бою. А с ними еще множество воинов и дев.

Карнохельм потерял треть своего населения, я отделался глазом... Но самое плохое, что стоя после этого поселилась на вершине. И каждую весну город платит ей свою жестокую дань! Вёльда-провидица сказала, что Карнохельм наказан за ошибку риара. И лишь Билтвейд спасет город от полного уничтожения!

Страшная картина развернулась перед глазами.

– Но выходит, что спустя годы Рагнвальд все же нарушил клятву, данную отцу? И надел кольцо Горлохума.

– Есть причина. И моя вина, – почесал косматый затылок Бенгт. – Кольцо Горлохума надевают мальчишки, те, кому не исполнилось десяти зим. Это закон, дева. Взрослые ильхи не способны слиться со зверем. Я так думал всю жизнь, пока не увидел в Зале Ста Хёггов, как чужачка, дева из твоей Конфедерации, поймала душу красного хёгга.

Что? Я изумленно вытаращила глаза. Моя соотечественница? Единый, да это же он говорит об... Оливии Орвей! Антропологе, что в числе первых людей цивилизованного мира пересекла Туман и попала на фьорды! Так значит, она не просто чужачка... Вот о чем говорила Дэгни! Вот почему называла госпожу Орвей столь уважительно – Оливия-хёгг!

Сердце забилося от изумленного понимания. Но я не стала перебивать Бенгта, потом задам свои вопросы. К тому же, сейчас это и правда неважно.

– Оливия-хёгг смогла выдержать дар перворожденных и поймать душу зверя, хоть это и казалось невозможным. И я рассказал об этом своему брату, – варвар сглотнул, словно ему было тяжело говорить. – Во хмелю рассказал, дурак! Совет Варисфольда запретил говорить, а я сказал! Знал ведь, какой у брата характер, а ляпнул! В ту же ночь Рагнвальд ушел в незримый мир!

Я благоразумно промолчала о том, что тоже теперь знаю тайну. Чем позже варвар додумается до этого, тем дольше я проживу. Похоже, перворожденные сполна отвесили Бенгту силы, мощи и даже доброты, а вот сообразительности не доложили.

Бенгт опустил голову, рассматривая свои руки. Я не все понимала из его рассказа, лишь осознала, что ильха терзает чувство вины.

Варвар поднял взгляд, и в черной глубине отразилось пламя костра.

– Когда я нашел Рагнвальда, он уже надел кольцо Горлохума и сразился со зверем. Брат был изранен, но в сознании. А увидев меня, велел отнести в место силы, насыпать сверху побольше углей и золота, развести такой жар, чтобы и камень оплавился!

Ильх моргнул, глядя в огонь. Протянул руку и под моим изумленным взглядом вытащил горсть пылающих углей! Так просто, словно и не чувствовал жара! Да и на крепкой ладони не осталось ни ожога, ни раны! Так вот какова сила хёгга...

– Сюда, в семейное место силы, я принес тело брата, почти лишенное дыхания. Но стоило положить Рагнвальда в угли да засыпать горой жара, как хёгг вернулся. Я решил, что это добрый знак, ведь зверь исцеляется быстрее человека. Но с того дня человека я больше не видел. Только хёгга, которого день за днем засыпал углями, жаром и золотом! И все равно он почти сдох! – Бенгт вскинул голову, прищурился. – А с тобой вот очнулся! Пусть человеком еще не стал, но очнулся! Так что вылечи его, дева! А сейчас мне надо идти, нельзя надолго оставлять Карнохельм. Я и так рисковал, отправляясь на розыски врачевательницы.

Я тоже поднялась, глядя на ильха. Голова кружилась от всех этих слов, из которых поняла я не далеко не все.

– Значит, в пещеру ты внес человека? – а я-то недоумевала, как дракон оказался в каменном мешке!

– Скалы для потомка Лагерхёгга – не преграда. Камень для нас живой, позову – и он услышит, откроется, – он наклонился, поднял осколок скалы, сжал в кулаке. А когда раскрыл, я ахнула. На мозолистой ладони лежал уже не колючий булыжник, а гладкая каменная капля. – Так что если Рагнвальд захочет выйти, гора его не удержит.

Я открыла рот. Отличная новость! Выходит, что если зверюга надумает меня сожрать, бежать будет некуда. И все же странно. Утром мне показалось, что

хёгг тянется к лазу, но выбраться не может. Что каменный мешок для него такой же капкан, как и для меня.

Или это лишь глупые мысли глупой чужачки? Ведь я и правда ничего не знаю... а то, что узнаю, кажется таким невероятным, что не укладывается в голове! Моя картина мира пошатнулась и сейчас висела на одном гвозде, качаясь и угрожая вовсе свалиться да перевернуться верх тормашками! И почему клятый фонд переселенок ничего не рассказал? Хотя, неудивительно. Нельзя о таком рассказывать. Чтобы сохранить фьорды – нельзя. Вот откуда все эти запреты и требования. Пересекая Туман, мы навсегда прощаемся с прежней жизнью.

Пока я размышляла, Бенгт затушил огонь, снова глянул в сторону пещеры, хмыкнул и указал на мешок у камней.

– Разболтался я с тобой, дева! А ведь думал лишь на минуту заглянуть. В мешке для тебя обувка, примерь. И мелочи разные. Не знаю, что нужно девам, давно я с такими, как ты, не разговаривал... Дева для других дел предназначена. Так что положил, что нашел. – Бенгт смотрел хмуро и немного растеряно, похоже, уже жалея, что поделился с чужачкой переживаниями. Видимо, сильно они его тревожили, раз рассказал пленнице.

Нахмурившись так, что косматые брови почти сошлись на переносице, ильх снова зыркнул на лаз пещеры, развернулся и пошел к обрыву. Миг – и он упал с утеса. И снова я застыла, пораженная, увидев взлетевшего над горой дракона. Нет, привыкнуть к такому разумной девушке из прогрессивной Конфедерации просто невозможно!

Доев сочное мясо, я заглянула в мешок и к своей радости нашла там крепкие ботинки, правда, они оказались великоваты и сшиты на одну ногу, но я решила не придирааться. В дополнение – вязанные колготки, теплый пуховой платок и одеяло. Мне бы еще новые очки, возможность помыться с мылом и кусок шоколада, так и вовсе сочла бы жизнь прекрасной. Как быстро изменились мои потребности, надо же!

Хмыкнув, я прокралась в пещеру. Во тьме хёгг казался каменной горой.

– Эй? – тихо позвала я. – Бенгт ушел. Но он оставил сырое мясо для тебя. И оно точно вкуснее испуганной переселенки... так что, если ты проголодался – у

входа лежит сочный идохлый олень!

Потопталась на месте, всматриваясь во тьму.

– Конечно, ты меня не понимаешь. Похоже, разума в тебе нет, Бенгт сказал, что порой после слияния остается лишь зверь, а человек теряется в незримом мире... Я плохо понимаю, как вообще это возможно, знаешь ли, но если в этой огромной чешуйчатой куче есть хоть капля сознания, давай договоримся? Ты не пытаешься меня сожрать, а я делаю все, чтобы тебе помочь.

Чихнув, я утерла нос. И подпрыгнула, когда из тьмы выплыла драконья голова. Совершенно беззвучно. Жуткие глаза, не мигая, уставились на меня. Тоненькая струйка воздуха вырвалась из ноздрей. И голова толкнула меня к выходу. Слегка, но я от этого движения едва устояла на ногах.

Так-так, и что бы это могло значить?

Хёгг меня прогоняет?

Хёгг намекает, что пора обедать?

Хёгг просто мотает башкой, и это совсем ничего не значит?

Ну почему с этими хёггами совершенно никакой ясности! Мне нужна инструкция!

Покосилась на лаз, возле которого белела полоска льда.

Снег.

– Кажется, тебе нравится снег, – медленно произнесла я.

Чудовище сверлило меня по-прежнему немигающим взглядом. В приоткрытой пасти виднелся серый язык. Дышал зверь тяжело, с хрипом.

– Надеюсь, я все же не сошла с ума, – вздохнула я и потащилась наружу. Нагребла полный ящик снега, вернулась. Хёгг лежал у стены, снова перегородив мне дорогу. Носом почти утыкаясь в лаз. Но когда я вошла, вяло отвел голову, пропуская. Следующие пару часов я словно каторжник таскала ящики с ледышками. Сначала отправляла все это снежное добро дракону в пасть, потом начала насыпать на неподвижную голову, шею и круп. От работы я согрелась и даже сбросила мех. Пару раз на ходу перекусила куском жареного мяса, попила талой воды и снова бросилась в пещеру. Часть снега подтаяла и образовала лужи, но к моему удивлению, часть по-прежнему лежала на хёгге, словно ледяной наст. В пещере заметно похолодало.

Чудовище не двигалось, мутные глаза снова затянулись пленкой. Но хёгг дышал.

Устав так, что руки и ноги почти утратили чувствительность, я заползла в самый дальний угол каменного мешка. Из последних сил сгребла в кучу угли. Хёггово пламя не гаснет, лишь засыпает на время. И правда – стоило разворошить золу, как по углям пробежали веселые красные искры. Соорудив что-то похожее на гнездо и чихая от угольной крошки, я забралась в тепло, закуталась в мех. Тело мелко подрагивало от тяжелой работы. Было тихо. Лишь у противоположного края пещеры, возле лаза, слышалось дыхание чудовища. И я поймала себя на том, что прислушиваюсь к нему с беспокойством.

Хотя, что удивительного. Моя жизнь зависит от этого зверя.

– Выживи, – тихо пробормотала я. – Выживи, пожалуйста...

Глава 10

...Уже знакомый призрачный свет. И незнакомец. На этот раз – совсем рядом. Словно он меня ждал. Уголки его губ дрогнули, когда я села, протирая глаза. Мой невероятно реалистичный сон повторялся с завидной регулярностью. Вот только жаль, что сознание не додумалось сделать меня в этом сне красивой. Ну или хотя бы чистой! Потому что я по-прежнему сидела в гнезде из угля и золы, мои руки, тело и остатки платья покрывала черная пыль, а о своей прическе я даже думать боялась!

И странно, что мужчина напротив желал ко мне... прикоснуться?

С удивлением я смотрела, как он на коленях придвигается ближе. Как морщится, глядя на угли. А потом протягивает руку и касается моей ладони. Прикосновение – совершенно реальное – послало по телу сотню электрических разрядов. Тихий вздох незнакомца заставил меня замереть. Очень медленно он провел пальцем по моей руке – от запястья до локтя. И вроде нет в таком касании ничего запретного, а дыхание на губах стало горячим. И тело наполнилось тягучей, томительной тяжестью. Тронув сгиб локтя и обрисовав впадинку, пальцы переместились выше. До края оторванного рукава. Незнакомец мягко отвел полу мехового плаща, глянул на мой наряд с вышивкой. И понимающе усмехнулся.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, и палец мужчины прикоснулся к моим губам. Запечатывая. Он качнул головой, безмолвно приказывая молчать. И перевел руку ниже – на шею. Волоски на моем теле встали дыбом – и вовсе не от страха. Неизведанное чувство притяжения, вот что это было. Станный сон, странный мужчина, созданный моим воображением. И странные чувства.

Ильх качнулся вперед, и я наконец увидела его глаза. Синие. Словно прозрачный лед на солнце. Уголки его губ снова дрогнули. Не совсем улыбка, но мне от нее захотелось позволить ему все. Все, что он захочет...

Я коротко вздохнула. Сон... Правда, реалистичность ощущений как-то пугает. Но осмысливать происходящее совершенно не хотелось. Разум словно затянуло туманом, зато чувства обострились.

Пока я размышляла, варвар уверенно повел рукой, сбрасывая с меня шубу. Холодок коснулся кожи, и я зябко повела плечами. Мужчина придвинулся, положил руку мне на поясницу, привлекая к себе. Совершенно однозначно. Так, словно имел на это право. Словно знал, что я не откажу. Погладил мне спину, обрисовал силуэт. Я вскинула голову, безотчетно желая ощутить его губы. Поцелуй... вот чего я хотела. Но варвар из моего сна не собирался целовать.

А я сама не поняла, как оказалась прижата к земле. Ильх навис сверху, легко удерживая на весу свое мощное тело. От его взгляда – горячего и холодного одновременно, от сильного, почти обнаженного тела, от легкого дыхания, которое я ощущала на своей коже, дрожали колени и сохло горло. Ураган желания – сильный, незнакомый, всколыхнулся внутри, требуя большего. Я изумленно моргнула. Изумительный, совершенный, нереальный плод моего воображения! Который недвусмысленно собирается... заняться со мной чем-то приятным!

Беспокойство заставило меня нахмуриться. И упереться ладонями в литые пластины мужской груди. В ответ варвар прикусил мне шею! Просто опустил голову и прикусил, словно показывая, кто здесь хозяин! И тут же завел руку под мои бедра и, легко перевернув, прижал к земле! Я ахнула, открыла рот...

И тут меня тряхнуло, и я вернулась в реальность.

Потому что меня настойчиво и недовольно бодало одно гадкое рогатое чудовище! Хёгг недовольно заворчал, снова толкнул меня головой, отчего я вывалилась из гнезда углей.

– Хватит! – заорала я. – Да что тебе нужно? Ты изводишь меня днем, теперь и ночью поспать не даешь! Отстань! Брысь!

Дракон поскреб когтями землю, ударил хвостом и зарычал. Я юркнула за ящики – на всякий случай.

– Как же ты мне надоел! – в сердцах проговорила себе под нос. – Разбудил! А мне, между прочим, сон снился. Интересный!

Пещера содрогнулась от злого рычания дракона. Да что этой зверюге не нравится?

– Да-да, отличный был сон!

Снова рык и злобный скрежет когтей по камню.

– Много ты понимаешь, – буркнула я. – У тебя только череп большой, а разума в нем нет!

Хёгг тяжело прополз к выходу, и в пещере повисла тишина. Я посидела некоторое время за ящиками, а потом осторожно вышла. И тут же уткнулась в дракона, караулящего меня!

Взвизгнув, я шарахнулась назад, наступила на подол и, конечно же, грохнулась. Дракон радостно оскалился. Вот точно – радостно!

– Все-таки зря я тебя лечу, – буркнула я.

Хёгг в ответ дернул хвостом и, опираясь на крылья, как на ходули, отполз в сторону. Уткнулся носом в лаз и затих. Устал, видимо.

В проход побивался розово-серый рассвет. А тело все еще не жилось в ощущениях – запредельных и немного пугающих. Я выбралась из пещеры, размышляя. Происходящее во сне все больше затягивало и... пугало. Сейчас, когда туман сна отступил, а легкие наполнились холодным морским воздухом, я смогла все хорошенько обдумать. Тетя, бабушка, кузины – все и всегда в один голос утверждали, что у меня совершенно нет воображения. Как я могла придумать незнакомца? И наши... отношения? Да еще и такие?

Да что со мной происходит?

Может, в этой пещере отравленный воздух? И каждую ночь я вижу галлюцинации? Будоражающие такие галлюцинации... И почему этот ильх так реален? Я и сейчас чувствую его прикосновения на своей коже. Если бы хёгг не разбудил меня, до чего бы мы дошли?

Чтобы хоть как-то отвлечься и выбросить из головы волнующие образы, я начала приседать и размахивать руками. Заодно взбодрилась и вернула затекшему телу чувствительность. Обошла утес, полюбовалась на море, которое менялось каждый день. Сегодня оно радовало глубокими оттенками синего, а на горизонте – оранжевого. И было спокойным, мирным. Лишь слева покачивался корабль, словно присевшая на волну птица.

Корабль?

Я замерла, протерла глаза. От волнения во рту пересохло. Корабль. На воде был корабль! И он приближался! Я уже видела несколько парусов, скалящегося деревянного хёгга на носу, и даже – ильхов!

О Единый! На корабле люди!

– Помогите! – закричала я, размахивая руками. – Спасите! Меня держат в плену! Помогите!

Корабль расплывался в стеклах треснувших очков. Но мне показалось, что мужчины на корабле меня заметили, а сам хёггкар повернул к утесу. И потому я принялась кричать с удвоенной силой.

Меня спасут! Снимут с этой скалы и отвезут к Гудрету!

И тут позади зарычало чудовище.

Хёгг в пещере очнулся, и от ужасающего рева содрогнулись горы. А хёггкар развернулся и шустро поплыл в другую сторону, подальше от орущей переселенки и дракона!

Разочарование выбило из глаз слезы, но я сжала кулаки, не позволяя себе реветь. Подобрала камень и швырнула в скалу.

– Замолчи, – заорала я хёггу, – ненавижу тебя!

Рычание оборвалось. Я села на снег, хлюпая носом и всматриваясь в водную гладь. Корабль стал почти неразличим. А ведь спасение было совсем рядом! С ветки на меня таращили круглые глаза совы, сегодня их было две.

– А вы что глазеете? – рявкнула я в сердцах. – Вам хорошо, у вас есть крылья! Проваливайте, нечего тут смотреть!

Птицы тяжело сорвались с ветки, взлетели.

– Что-то на этих гадких фьордах никто не торопится спасти прекрасную деву от дракона! Придется самой выбирать!

Закутавшись в плащ, я сидела, пока не замерзла, а потом потащилась назад в свою темницу.

Хёгг лежал у входа, почти уткнувшись носом в лаз. Недовольно заворочавшись, отодвинулся, когда я приблизилась. Жуткие глаза смотрели, не мигая, ноздри подрагивали, втягивая воздух. Я прищурилась, потерла глаза. Разве нос зверя не был черным? Да и чешуя на морде – тоже? Мне кажется, или дракон... посветлел?

Удивление даже отодвинуло злость. Хёгг не двигался, лишь настороженно наблюдал за мной и поддергивал кончиком хвоста. Я же подобрала ледышку, выросшую у входа в пещеру и, осторожно приблизившись, потеряла ею шею дракона. Раз, другой. Провела рукой – на коже остался жирный черный след. Посмотрела на кончик своей косы. Да она же тоже черная! Я вся черная! От золы и сажи! От угля, в котором лежал и хёгг! Из-за него чудовище приобрело такую окраску. Да я сама сейчас выгляжу как темнокожая дева! Выходит, дракон вовсе не черный, а... серый? Или и вовсе... белый!

Смутная догадка просверлила голову. Что там рассказывал Бенгт? Слова отпечатались в голове, словно я слышала их тысячи раз.

...Черный зверь Лагерхёгг рожден был от железа и камня, в яйце золотом...

Белый зверь Ульхёгг родился от союза льда и сияния, в алмазном яйце. Глаза его видят сквозь толщу льда, отзываются ему хрусталь вершин, снега и ветра севера...

Бенгт внес в пещеру человека и завалил по приказу Рагнвальда золотом и углями. Поверил словам брата. А потом лишь исправно добавлял угли да тащил новые золотые кубки и блюда, надеясь, что это поможет. Но хёгг умирал. Бенгт сказал, он впервые вылез из кучи, лишь когда появилась я.

И неужели все дело в том, что он иной масти? Он просто... иной дракон!

Уже знакомый скрежет когтей по камню вымел меня из пещеры.

– Бенгт! – закричала я, увидев упавшего на утес черного хёгга. – Бенгт, я поняла!

Огромное тело дракона растаяло, и со снега тяжело поднялся одноглазый ильх. Шагнул ко мне. Покачнулся.

Я прищурилась и заморгала, силясь лучше рассмотреть. Сердце сжалось тревожно. Бенгт выглядел странно. Вроде все то же – мощная фигура, борода в трех косичках, грива черных волос и повязка на глазу. Вот только шел ильх рвано, словно перебрал хмельного. Может, он пьян?

Я растерянно посмотрела на снег. И вздрогнула. Белый покров перечеркнула цепочка темных штрихов. Кровь...

– Ты ранен! – ахнула я.

Ильх остановился рядом, мотнул головой, и я ощутила тяжелый запах – пота, крови и пепла...

– Бенгт, что случилось? У тебя кровь идет!

Сильные руки сжали мне плечи.

– Слушай меня, врачевательница. На Карнохельм снова напала дикая стая, мы ее отогнали, но мне надо вернуться, – ильх поморщился. Я таращилась на него, ощущая накатывающийся страх. Нападение? Бенгт снова мотнул головой и сипло втянул воздух. – Времени осталось мало, чужачка. Моего времени. Так что ты прости меня. Не желал я тебе зла.

– Что? – пискнула я. Ильх сильнее сжал мне плечи. Кажется, до синяков, одноглазый просто не осознавал, что почти опирается на меня, чтобы не упасть. Краем глаза я видела натекающую под ноги кровь.

– Рагнвальд должен выжить, – повторил Бенгт. – Он моя семья, единственный брат. Помоги ему, дева. Я долго думал...

– Что? Бенгт, тебя надо перевязать, слышишь? В пещере есть лекарства, я помогу! Надо промыть и перевязать рану!

Ильх моргнул. И вдруг улыбнулся – широко, искренне.

– Редкая душа у тебя, дева из-за Тумана. Чистая. Значит, мой выбор верный. Ты нужна моему брату.

– О чем ты говоришь?

Не отвечая, ильх отстранился, вытащил из-за пояса кривой нож. Я испуганно попятилась. Что происходит? Что этот варвар задумал?

– Каждому хёггу нужен кто-то, кто будет возвращать человека в этот мир, не давая утратить разум, прогонять зверя, если тот берет вверх. Обычно это делает а-тэм, побратим. Но у Рагнвальда его нет. А скоро и я уйду... Ему нужен кто-то на этой стороне. Находиться в незримом мире так долго – слишком опасно. Ему пора вернуться. Прости, чужачка.

Бенгт ударил ножом по ладони и дернул меня так, что я не успела отстраниться. Острое лезвие оцарапало руку, и я охнула, забилась. Но ильх, даже раненный, был в стократ сильнее меня! И держал крепко. Сжал мою ладонь, соединяя порезы.

– Силой перворожденного Лагерхёгга, силой родовой крови, огня и камня, я риар Карнохельма, привязываю эту деву к своему брату Рагнвальду, где бы он ни был. Правом старшей в роду крови называю Эннис Вилсон нареченной Рагнвальда, сына Саврона. Теперь ты лирин моего брата.

– Я?

Перестала трепыхаться и застыла, пораженно глядя на варвара. В магию и заклинания я никогда не верила, так отчего сердце почти останавливается, а мое тело, разум, вся сущность четко ощущает образующуюся связь? Странное, тянущее чувство, струна, протянутая к другому живому существу. Хёгг в пещере молчал. И почему-то я уверена, что жуткое чудовище не спит, а слушает нас!

– Но это невозможно! У меня уже есть жених!

– Обряд не был совершен до конца, и ты была свободна. Теперь ты лирин Рагнвальда.

Словно в ответ на мои мысли из каменного нутра пещеры раздался драконий рев.

Бенгт устало выдохнул и отпустил мою руку. Я заторможено посмотрела на испачканную кровью ладонь.

– Что ты сделал? Что ты сделал со мной?

– Прости, чужачка, – в единственном глазу ильха мелькнуло чувство. – Мне и, правда, жаль. Спаси его, на тебя вся надежда.

– Что?

Нет, я просто не верила. А я ведь считала Бенгта неплохим человеком! Варваром, но не злым!

– Да ты... мало того, что украл, так еще и обручил не пойми с кем? Да знаешь, кто ты после этого?

– Мне надо вернуться, – ильх тяжело отступил. – Помни, что я сказал. И не злись, дева. Может, еще спасибо мне скажешь. Прощай.

Спасибо? Да я его убить готова! Вернее, добить!

Пошатываясь, варвар пошел к краю утеса.

– Бенгт! – вырвалось у меня, и одноглазый повернул голову. – Я знаю, почему хёгг умирал. Ты обложил его жарким углем и золотом, но твой брат не черный дракон, Бенгт! Он белый. Он поймал душу снежного зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/chudovische-karnohel-ma>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)